

ДРАКОНИЙ ОСТРОВ

18+

АНАСТАСИЯ НАЗАРОВА

Анастасия Назарова

Драконий остров

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70510900

SelfPub; 2024

Аннотация

Дэйн, желая спасти сестру от смерти, меняется с ней местами. Теперь его участь – стать ритуальным обедом для дракона, что держит в страхе всех жителей Великих островов. Но Дэйн не просто хороший брат, он – воин, и не сомневается, что именно ему суждено спасти людей от гнета чудовища и стать героем. Не сомневается до тех пор, пока его план не идет прахом, а сам Дэйн не оказывается один на один с силой, которой никогда прежде не знал.

Анастасия Назарова

Драконий остров

Казалось, что рыдания доносились отовсюду, словно барабанный град. А Дэйн не мог совладать с этими звуками и оттого раздражался, чувствуя свою беспомощность. Он ненавидел это ощущение.

– Сишэль, открой! – Дэйн снова и безуспешно толкнул тяжелую дубовую дверь. Рыдания сестры не заглушало ничего, ни подушки, ни стены, ни даже эта надежная дубовая стражница.

– За что?! – раздался снизу надрывный и безутешный голос матери. – За что это моей девочке?!

Это стало последней каплей. Или крупницей града. Дэйн коснулся рукояти крупного двуручного меча, но, бросив еще один взгляд на дверь, передумал и вынул из ножен кинжал, приложил к старенькому замку и надавил, используя оружие как рычаг. Замок жалобно скрипнул и поддался, дав вырвать себя с корнем.

Дэйн невольно улыбнулся. Как бы не была крепка дверь, натиск клинка воина ничто не выдержит.

– Уйди, Дэйн! Дай мне побыть одной! – Сишель сидела на кровати, в окружении подушек, ее лицо опухло, а глаза покраснели. Сейчас даже их мать могла усомниться, что они с Дэйном близнецы.

– Хватит реветь, – в голосе сквозила усталость. Он убрал кинжал в ножны, прошел внутрь и прикрыл за собой покалеченную дверь. – Пожалей родителей.

Сишель метнула в Дэйна подушку, но он успел уклониться. Пусть сейчас, к двадцати двум годам, они давно перестали драться, былую сноровку никто из них не потерял.

– Ни тебе выпал жребий! – голос Сишель пропитался яростью. – Ни тебя заберет дракон! Ни тебе меня учить, как с этим жить!

Карие глаза сестры сверкнули гневным огнем. Дэйн смотрел на искаженное горем лицо, точную копию своего, и не мог взять в толк, почему до сих пор никому, кроме него, в голову не пришла простая и очевидная идея. Дэйн приоткрыл окно, впуская свежий летний воздух. В комнате сразу запахло морем.

– Никто тебя не заберет, – твердо сказал Дэйн. Он сел рядом с сестрой, глядя ей в глаза. Давая обещание. – Я сам пойду к дракону. И убью его.

Дэйн сжал рукоять меча. Он станет не просто воином. Он будет героем города и всей страны. Избавителем, что спас их земли от крылатого монстра. Дэйн сел ровнее, приосанившись. Даже просто воображение, как горожане будут с восхищением и почестями встречать его, несущего отрубленную драконью голову, вызывало в Дэйне горячую гордость и чувство собственной неуязвимости.

В комнате воцарилась тишина, от которой Дэйну стало

неуютно. Сишель перестала плакать, но глаза ее выражали не радость, а нечто, похожее на сочувствие и снисхождение. Признаться, Дэйн рассчитывал, что его слова встретят с большим восторгом.

– Ты сказал мне родителей пожалеть, дорогой брат... – Сишель говорила спокойно, но ее длинные серьги, покрытые перламутром ракушек, назидательно звякнули, выдавая настроение хозяйки. – Думаешь, им есть разница кого хоронить?

Дэйна пробрали ее слова, но он не подал вида.

– Меня не будут хоронить, – уверил он, не имея ничего, чем мог подкрепить слова.

– Потому что нечего будет? – уколола Сишель. Она не хотела умирать, но отпускать на смерть брата вместо себя – тоже. – Если дракон разгневается? Если будет только хуже? Погибнешь не только ты, но и множество других людей, возможно, папа с мамой тоже... Ты же знаешь предание...

– А если я смогу его победить?

– Спроси это у всех павших, кто пытался.

Дэйна начинало раздражать это неверие. Что Сишель хотела, просто пойти и умереть в пасти чудовища?

Дэйн снял с пояса свой меч, вложил его в руки сестры и крепко сжал. Оружие было последней его надеждой. Все знали, что уж если Дэйн поклялся в чем-то, держа в руках меч – то была правда.

– Сишель, я обещаю, что убью дракона. Убью его, освободо-

жу наш народ и вернусь героем.

Сишель долго смотрела на меч в руках, а когда перевела взгляд на брата, тот увидел в них тьму сомнений и огонек надежды. Дэйн улыбнулся, он понял, что убедил сестру.

– И как ты собираешься это сделать?

– Дракон не ждет отпора, поэтому используем хитрость.

– Какую хитрость?

Дэйн знал, что за почти три века драконьего гнета, церемония обросла традициями и ритуалами. И в День Путешествия Невесты, как называли его люди, пряча за красивыми словами ужас всего происходящего, Дэйн прочувствовал на себе всю тяжесть этого момента.

Он шел по каменистой дороге к морскому утесу, ноги, стянутые белыми, расшитыми туфлями, болели. Он всегда думал, что невесты шли медленно, потому что того требовала церемония, но все оказалось куда проще. Камни словно налипли в ступни, и Дэйн с завистью поглядывал на сочную зеленую траву по обе стороны дороги, там, где жители города выстроились толпой, провожая «невесту».

Церемония, хоть внешне и походила на обычную свадьбу, по своему настроению больше напоминала похороны, что в действительности было недалеко от истины. Получившая жребий девушка больше никогда не возвращалась, а дракон каждые три года прилетал за новой жертвой. Зачем ему новая невеста, если бы другая была еще жива?

Платье тоже было традиционно свадебным, белого цвета, изящно расшитое вышивкой и бусинами жемчуга, с высоким горлом, подчеркивающим овал лица. А голову венчал высокий головной убор с ниспадающими нитями бусин, прятавший наглухо все, кроме лица. Весь наряд был таким тяжелым, что мог соперничать по весу с доспехом.

С одной лишь разницей – платье было без рукавов, потому что невесту под ним связывали, чтобы та не сбежала. Пустые рукава в таком наряде или открыто связанные руки слишком сильно демонстрировали бы гнет и горе несмотря на то, что каждый житель знал, как все обстоит на самом деле. Из-за этого наряд больше напоминал купол колокола, надетый на человека. Если бы Дэйн упал, подняться самостоятельно едва бы смог.

Дэйн задумался, что не только неудобное, тяжелое платье, но и маленькие туфли служили той же цели – не дать убежать. А люди, что провожают невесту? Дэйн, насколько позволял громоздкий головной убор, закрывающий обзор, вгляделся в лица людей. Скорбь, тоска, стыд, сочувствие. Даже если они были своеобразной стражей, их роль им не нравилась.

По правилам обряда, избранную невесту готовит ее семья, но, чтобы избежать возможных проблем, перед облачением все проверяет глава города. Во всем плане то был самый сложный момент – Дэйну пришлось прикрепить к голове две длинных тяжелых косы Сишель, которые она обреза-

ла, и молиться, чтобы в самый неподходящий момент, они не отвалились. Но глава лишь проверил крепость веревок, а уже после, Сишель изловчилась оставить Дэйну кинжал. Жаль не успела перерезать веревки, но с этим можно было разобраться позже. Дэйн крепче сжал оружие связанными руками.

Вскоре запах моря стал плотнее, а до Дэйна долетели звуки плача – это была мать. Она знала об их плане, но сестра была права, ей было все равно с кем прощаться и никакие обещания не унимали ее горя.

На возвышенности утеса стояла крытая расписанная повозка. В такой провожали невесту, а затем жених вез ее в новый дом. Но сейчас в повозку не запрягли лошадей, зато две тяжелые цепи обвивались вокруг, словно змеи. Внутри она была битком набита дарами и богатствами, вполне достойных короля. Ткани, тюки с зерном и вином, фрукты, расшитые наряды и золото в сундуках. Все, чтобы задобрить дракона.

Подойдя ближе, Дэйн заметил, что вся его семья одета куда лучше, чем прежде могла себе позволить. Сишель, коротко стриженная, худая, в мужском одеянии и с мечом на поясе выглядела как точная копия Дэйна и ничем себя не выдавала.

Невеста дракона – считалась героиней, избавительницей, мученицей... Ее имя заносили в книгу, чттили память, а ее семья щедро одаривалась, но мало кому действительно хоте-

лось обогащаться такой ценой.

Жребий не щадил ни бедных, ни богатых. Не делал разницы в красоте или здоровье. В положенный срок, над домом избранной загорался круг золотой магической печати. Из-за чего ни скрыться, ни скрыть жребий было нельзя.

Говорят, что лишь однажды, когда дракон только появился, люди не отдали ему невесту. Разгневанное чудовище разрушило город почти до основания и убило столько людей, что больше никто не думал о нарушении договора. Конечно, бывали девушки, которые пытались себя спасти и сбежать, благодаря им, постепенно церемония и обросла необходимыми атрибутами, вроде безрукавного платья.

Глядя в печальные глаза своей родни Дэйн едва заметно и ободряюще улыбнулся, крепче сжав кинжал.

«Больше никто не умрет, – обещал он себе и семье».

Правда, в появлении дракона все же была своя выгода. Соседние страны, прознав о драконе, поумерили свои аппетиты в завоевании Великих островов. Верили, что ящер защищает их. Никто не помнил, кто рассказал эту легенду и правдива ли она. Но проверять в любом случае никто не спешил.

Потому Дэйн, в свои двадцать два, не застал слез и крови войн, горя и потерь. Он был воином, защитником острова, но был им «на всякий случай». И это Дэйна совсем не устраивало. Он хотел применить свое воинское искусство, хотел стать настоящим героем в глазах горожан. И видел для этого

один путь – убить чудовище.

Так сильно Дэйн желал этого, что, увидев над домом печать жребия, единственный из семьи не заплакал. И даже больше – обрадовался своему шансу. Боги благоволили ему.

Остров, где поселился дракон, был окутан туманом, таким плотным, что, если туда заплывать, удачей было выбрать-ся. Многие люди до Дэйна пытались прорваться на остров, пока не пришли к выводу, стать невестой дракона – единственный путь.

И Дэйну выпал этот шанс. Его пробирали дрожь предвкушения, исполняющегося желания, нетерпения.

Как только Дэйн забрался в повозку, а дверь за ним закрылась, рыдания матери разразились как гром. Он хотел сказать ей что-то ободряющее, но вовремя одернул себя. Не хватало только, чтобы весь план провалился, если его узнают по голосу.

Сестре из-за этого было еще тяжелее. Ей предстоит молчать до самого возвращения брата, чтобы не навлечь на себя гнев обманутых жителей. Что будет, если он не вернется, Дэйн запрещал себе думать.

Щелкнул замок, и цепи-змеи опутали повозку до конца, перегораживая выход, вместе с двумя крохотными зарешеченными окошками по бокам, они не оставляли шанса на побег.

Вскоре плач матери сменился на все более громкий стук барабанов. Мелодия из тихой и медленной постепенно на-

бирала обороты и становясь оглушительной, призывающей и устрашающей. А люди, что окружали повозку, стремились скорее уйти прочь.

Когда Дэйн выглянул в окошко в сторону города, людей рядом больше не было. Только силуэт матери вдали, такой крошечный, что Дэйн узнал ее только по яркому цвету новой одежды.

Музыка еще продолжала играть, но здесь, рядом с отвесным склоном и морем, ее уже было почти не слышно. Никто не хотел оказаться рядом с повозкой, когда подали сигнал для дракона.

Наконец музыка совсем стихла. Дэйн слышал завывания ветра со стороны моря и вдруг отчетливо понял, что остался один. Впервые его потрянуло от страха, а не от нетерпения. Без людей, запертый в деревянной повозке, он уже не ощущал той былой силы и уверенности.

– Соберись давай! – одернул он себя. Услышав, наконец, собственный голос, Дэйн немного приободрился.

Кое-как, зажав кинжал между коленей, он принялся тереть об лезвие веревку. Та оказалась прочной, но, в конце концов, поддалась. Затем взялся за платье, но оно, многослойное, расшитое, казалось, тысячей нитей, никак давалось. Лезвие терло ткань, но не могло ее прорезать.

– Да из чего его сделали?!

Вдруг тишину прорезал звук хлопающих крыльев. Дэйн

замер. Медленно повернул голову к тому окошку, что выходило к морю. Силуэт дракона показался из-за тумана. Не раз Дэйн видел дракона из убежища и знал, что тот огромный. Но отчего-то сейчас ящер казался ему больше, чем когда бы то не было прежде.

Парень оцепенел и мог лишь смотреть, как постепенно силуэт очерчивался. Дракон двигался плавно, несмотря на размеры, и стремительно приближался. Уже можно было разглядеть крупные когтистые лапы и светлую чешую.

Приземление ящера сопровождалось грохотом, повозка пошатнулась, а Дэйн внутри вздрогнул. В окошке, замелькала чешуя, как течение быстрой реки. Каждая чешуйка была крупной, размером с ладонь взрослого человека.

Страх прокатился по телу парня, и когда казалось, что сильнее испугаться он не сможет, в окошке показался огромный ярко-лиловый глаз.

Что-то внутри Дэйна вспыхнуло и завопило, призывая бежать. Но внешне он не шелохнулся, не издал ни звука, полностью окаменев. Чудовище смотрело несколько мгновений, осмысленно и долго, а затем у окошка снова замелькала чешуя. Когда Дэйн снова увидел пейзаж, на краткий миг он понадеялся, что пришелся чудовищу не по нраву, и оно улетит, оставив Дэйна в повозке.

Раздался грохот, сверху посыпались щепки, Дэйн вскрикнул и вскинул пропитанный страхом взгляд. Огромные, мощные когти ящера пробили боковые стены повозки, ухва-

тив ее намертво. И в следующую секунду Дэйн почувствовал, как вся конструкция оторвалась от земли. Прильнув к окну, парень с ужасом смотрел, как внизу рокочет море. Никакой подъем даже на самую высокую гору не мог сравниться с тем, какой парализующий ужас Дэйн испытал, оказавшись в воздухе.

Вскоре показался туман. Тот самый, что не давал морякам обнаружить драконий остров и убить чудовище.

Море скрылось, повозку окутала серая мгла.

– Двигайся, давай... – шепотом приказал себе парень. – Это твой единственный шанс!

В каком-то оцепенении, едва не выронив кинжал, Дэйн остервенело резал платье, которое сейчас ощущалось тяжелой кольчужной броней-ловушкой. Несколько раз он проткнул расшитую ткань, но разрезать его не смог.

– Проклятье! Почему?!

Дэйн тряхнул головой, скидывая тяжелый, увитый бусинами головной убор.

Нити порвались, и жемчужины разлетелись по повозке, вместе с остальными драконьими дарами. Он начал тащить платье вверх, чтобы снять через голову, но оно, застегнутое, казалось на цепи, не поддавалось. А внизу собиралось в крупные, тяжелые складки, не оставляя обзора и пространства для необходимого удара.

– Ну, давай же, ну!

Дэйна охватило отчаянье и злость. Умереть от драконьих

когтей, потому что не смог выбраться из платья! Чувства предали ему сил, и наконец, он смог надорвать ткань так, чтобы вытащить руку с кинжалом.

За окошком мелькнуло что-то яркое. Туман рассеялся и показался остров. Дракон стал спускаться кругами, и Дэйн смог разглядеть крепость и замок, окруженный лесом с небольшим озером.

Если не знать, что здесь жило чудовище, можно было принять за обычный островной замок, разве что тот был в небольшом запустении.

Зрелище настолько заворожило, что на несколько мгновений, Дэйн перестал бояться. И вспомнил о том, в каком положении, только когда повозка стала опускаться к замку.

Они приземлились на просторную открытую площадь внутри каменных стен.

Когти дракона разжались, оставив несчастную повозку, а затем полоснули по тяжелым цепям, закрывавшим выход. От удара цепь лопнула как нитка. А затем раздались странные звуки, скрип и хруст. Дэйн по очереди глянув в оба окошка, но ничего не увидел. Чтобы чудовище не делало, оно делало это вне видимости парня. Затем все стихло.

Дэйн выставил вперед кинжал и затаился, стараясь унять бешеный стук сердца. Крутил головой, не зная, откуда дракон мог напасть. Тяжелая тягучая тишина раздражала, ни одной подсказки.

Дверь резко отворилась. Перед Дэйном стоял высокий

стройный парень, светловолосый, в легкой белоснежной одежде. На секунду Дэйн растерялся, но заглянув в лиловые глаза незнакомца, понял, кто перед ним стоит. И больше не цепенел. Он дернулся вперед и отточенным движением пронзил врагу сердце.

Тот вскрикнул от неожиданности и боли, попятился назад. Его белоснежную одежду залила кровь.

Дэйн выпустил рукоять кинжала. Парня опьянила радость. Все оказалось так просто! Если бы все знали, что дракон обращается в человека, то давно бы уже убили его!

Человек-дракон дрожал и готов был вот-вот рухнуть. Дэйн выскочил из кареты, уверенный в своей победе.

– Это тебе не связанных девок жрать, чудовище! Сдохни, сволочь!

– Да, – вдруг прохрипел дракон. Он обхватил двумя руками рукоять кинжала и, сморщившись от боли, вытянул оружие из тела. – Мне тоже не нравится, что вас связывают. Дикость какая-то.

Кинжал лязгнул, ударившись о каменную кладку. Дэйн с ужасом смотрел, как рана в груди чудовища затягивается.

Человек-дракон сделал шаг вперед, на его лице застыла улыбка. Если бы Дэйн не знал, что перед ним монстр, эта улыбка даже показалась бы ему дружелюбной. Но Дэйн знал. Страх разогнал кровь, до оглушительного стука в ушах. Мысли замелькали. Дэйн глянул на брошенное оружие и успел понять, что в тяжелом платье не сможет сделать к нему

рывок, выругался на себя за то, что вообще выпустил кинжал из рук.

Дракон сделал еще шаг. В отчаянии Дэйн выставил вперед руку, соображая, как спастись, но боясь даже отвести от монстра взгляд. Дело было дрянь.

Дракон замер.

– Не бойся, – осторожно произнес он. – Я тебя не трону. Просто хочу помочь с этим, – он кивнул, указывая на платье. – Не знаю, из чего его шьют, но из него довольно сложно выбраться.

«Чудовище разговаривает! – мельком подумал Дэйн, все еще в ужасе и смятении от происходящего».

– Я знаю! – крикнул Дэйн, не найдя, что еще мог ответить. Его обескураживало все. Что монстр возможно бессмертен или трудноубиваем, что тот может выглядеть как человек и, что хуже всего, не ведет себя как... как полагается монстру. Его учили, что как только у врага появится шанс, тот убьет не задумываясь, а этот... Первый настоящий бой и такое разочарование. Даже тот факт, что Дэйн жив, не мог его перебить. – Сам справлюсь.

– Ладно, как скажешь.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга.

– И?

– Что «и»? – не выдержал Дэйн. – Я что, идиот, по-твоему, при враге пытаться это снять?!

– Я же сказал, что не трону тебя, – терпеливо повторил

человек-дракон. – Если бы я хотел, ты был бы уже мертв.

Дэйн вздрогнул. Он видел, что дракон не врет, но эта мысль, что жив он не благодаря своей силе и умениям, а лишь по прихоти врага – унижала и словно превращала его в мальчишку.

Все еще не сводя глаз с дракона, Дэйн подобрался к окровавленному кинжалу и неловко поднял. Дракон лишь терпеливо наблюдал. По выражению лица ящера было не разобрать, насмехается ли он, готовится напасть или просто борется со скукой.

Дэйн пытался резать ткань, но та по-прежнему не поддавалась, а застёжки на спине напоминали головоломку, на которую даже взглянуть нельзя. Через голову снять тоже не вышло, и Дэйн почувствовал, что краснеет.

Все выглядело таким глупым. Он хотел быть героем, убийцей драконов, а на деле тот самый дракон, стоит и ждет, пока его «убийца» выпутается из женского платья. Наконец, когда падать ниже уже было некуда, Дэйн бросил на человека-дракона взгляд и, стараясь чтобы голос звучал максимально небрежно и непринужденно, спросил:

– Ты, правда, не убьешь меня?

Лицо дракона вмиг помрачнело.

– Убью, – тихо сказал он. – Но не сейчас. У тебя есть еще две недели. Пока они не кончатся, даю слово, что ты будешь невредим.

Что? Дэйна бросило в холод. Он мгновенно напрягся. Что

за игры ведет с ним чудовище?

– Ты меня откармливать, что ли будешь?

Лиловые глаза в удивлении округлились, а мгновенье спустя дракон расхохотался. Отсмеявшись, он снова взглянул на Дэйна. Казалось, что драконьи глаза потеплели. На губах играла едва заметная полуулыбка. Во всем образе дракона одновременно мешались холод и теплота, сила и хрупкость.

Дэйн отчего-то вдруг вспомнил, как выглядит тонкая льдинка весной, через которую они с сестрой смотрели на закатное солнце.

Может поэтому, когда дракон снова стал приближаться, Дэйн не шелохнулся. Он все смотрел в лиловые глаза, согревающие и добрые, и очнулся, только когда дракон потянулся к его шее. Его протянутая рука была покрыта белой чешуей, а вместо ногтей угрожающе торчали острые когти. Дэйн вздрогнул, но не отпрянул.

– Не бойся, – шепотом повторил дракон. – Я помогу.

Дракон коснулся его шеи, Дэйн почувствовал холод и остроту когтя, словно это было лезвие. Дэйн не отрывал взгляда от лиловых глаз, пока дракон сантиметр за сантиметром распарывал платье, так легко, словно оно было маслом под ножом. Из всех сил Дэйн старался унять стук собственного сердца, не желая выдавать, как боится.

Платье медленно расходилось и вскоре под собственным весом свалилось с плеч Дэйна. Он остался в одной лишь хлопковой белой рубашке до самых пят.

Дракон тактично отошел, а его рука вернула себе человеческий вид. Дэйн все еще сжимал кинжал, мог броситься на дракона, но не сделал этого, до сих пор находясь в каком-то странном оцепенении. Словно кролик, загипнотизированный змеей.

Дракон несколько мгновений наблюдал за ним, а потом обошел по дуге, стараясь не приближаться и не тревожить.

– Так, и что там передали на этот раз?

Глядя на открытую спину дракона, копошившегося в повозке, словно малое дитя, Дэйн убеждал себя, что не нападает, потому что это бессмысленно.

К счастью Дэйна, среди даров от жителей островов, дракон нашел его одежду. Заботливая Сишель, как оказалось, верила в его возвращение куда больше, чем говорила и подложила брату вещи.

И сейчас, бредя по коридорам замка в компании чудовища, Дэйн чувствовал себя куда лучше в собственной рубашке, высоких сапогах и штанах, а плащ с крупной застежкой давал иллюзию защиты. Но сейчас Дэйн понимал – лишь иллюзию. Раньше его одежда казалось ему подходящей для сражений, а теперь недоумевал, почему только один наплечник и где кольчуга, шлем?

Реши дракон напасть, для него доспех был бы всего лишь лоскутами ткани.

Дэйн не вынимал кинжал из ножен, но крепко сжимал ру-

коять, готовый защищаться в любой момент. Он исподлобья поглядывал на дракона, который был на полголовы выше в своем человеческом облике, но тот, казалось, не замечал этого.

Он сменил испачканную в крови белоснежную рубашку с запахом на другую, точную копию первой. Таких рубах Дэйн никогда прежде не видел, ни у мужчин, ни у женщин, и даже сомневался, как ее назвать. Рубашка, накидка? Длинные полы до самых ступней скреплял лишь пояс на талии, а сама она была сшита из легкой струящейся ткани, с крупными длинными рукавами, которые при взмахе напоминали крылья.

Дракон тем временем без продыху говорил, порхал от одной комнаты к другой, активно жестикулируя, чем напрягал до невозможности, и рассказывал Дэйну об устройстве замка.

– Ты можешь выбрать любую комнату, их здесь много... Вот эта, – дракон открыл очередную дверь, – небольшая, уютная, теплая, я собирал ее в синих оттенках, с серым акцентом.

Дэйн едва ли запоминал все, что ящер говорил. Был слишком напряжен, ожидая удара, нападения, но отмечал, что красиво подобранные ткани и общая ухоженность добавляли уюта, но не могли скрыть общего запустения.

В этот момент, они подошли к развилке, но двери с одной стороны были наглухо забиты.

– Северное крыло я закрыл, его сложно отапливать.

Дэйн оглядел двери, мгновенно решив, что туда ему точно стоит наведаться. Может как раз там был секрет драконьей неуязвимости. Пусть первая атака Дэйна провалилась, но он обязательно найдет способ одолеть чудовище. И решил, что, если сейчас дракон не нападает, лучшим вариантом будет узнать о враге побольше.

– Я думал, что ты можешь изрыгать пламя, и проблем с теплом точно быть не должно.

Дракон сморщился.

– Мне не нравится слово «изрыгать». Может лучше, дышать огнем? К тому же каминьы с этим справляются куда лучше меня.

Они повернули в открытые двери и пошли дальше. Дракон выглядел беззаботным, продолжая рассказывать Дэйну о замке, но тот не обманывался. Он вспоминал, что мясники в городе делали так, чтобы животные до последнего не понимали, что их дни сочтены, говорят, что мясо так получается вкуснее. Сейчас Дэйн чувствовал себя именно так, будто он в лавке мясника и еще мгновение и чудовище вспорет ему горло и сожрет. А эти слова про две недели просто способ усыпить бдительность.

Но как ударить первым, как его одолеть?

Дэйн бросил взгляд на полуобнаженную грудь чудовища, туда, где вонзился кинжал. Не осталось ни то, что шрама, даже маленького следа.

Дракон перехватил его взгляд и улыбнулся, как показалось Дэйну, виновато.

– В замке полно... всего. За столько времени мне надарили множество вещей. Даже есть игры, в одной нужно переставлять фигурки, они называются...

– Думаешь, я смогу развлекаться, зная, что ты хочешь меня убить? – Дэйну не выдержал, его одолело напряжение, ожидание удара.

Дракон замер. Дэйну выхватил кинжал, подумав, что разлил, что дракон сейчас перестанет притворяться и нападет. Но тот лишь бросил на оружие равнодушный, даже тоскливый взгляд и не шелохнулся. Дракон не собирался защищаться. Он весь как-то осунулся и теперь выглядел... хрупким.

Несколько мгновений они стояли в тишине.

– Я не говорил, что хочу, – шепот дракона прозвучал оглушительно громко. Дэйну недоуменно уставился, даже рука с кинжалом опустилась. – Идем, я покажу.

Они прошли еще с десяток разнообразно обставленных комнат и коридоров и, наконец, очутились перед огромными массивными дверьми, которые, как понял Дэйну, вели в тронный зал.

Первое, что бросилось в глаза, как только они вошли внутрь – яркий желто-золотой свет. В центре зала, там, где должен был располагаться трон, зиял огромный магический

круг. Тонкие золотые нити рисовали четкий контур узора. Солнце, звезды, круги, линии, символы, похожие на письменность, но которую Дэйн никогда раньше не встречал.

Круг, сотканный из энергии, медленно крутился, подобно мельнице. Сияющая золотая энергия, похожая одновременно на густую воду и жидкий песчаный песок, с одной стороны стекала с круга, по мере его вращения, распадаясь на вязь золотых нитей, что пронизывали все пространство, а с другой нитями взбиралась на круг обратно.

У Дэйна захватило дух. Зрелище казалось ему чудом, прекрасным, удивительным и непонятным. Дэйн протянул руку, желая коснуться одной нити, что протянулась совсем рядом с ними, но в последний момент остановился и вопросительно взглянул на дракона. Тот кивнул, мягко улыбаясь.

Энергия на ощупь была теплой, мягкой, рассеивалась от прикосновения, чтобы через секунду собраться вновь.

– Этот круг... Похож на круг жребия... Что это?

– Магия, – ответил дракон. – Вернее, заклинание. То, что ты называешь жребием – его часть.

– Оно... такое красивое.

Дракон не прерывал, ждал, пока Дэйн насладится видом.

– И как, – спросил парень, оторвавшись от разглядывания, – это связано с... – произносить «моим убийством» не хотелось.

– Видишь под кругом, там, где должен быть трон, стоит алтарь?

Дэйн присмотрелся. На фоне яркого круга и магической энергии, струившейся от него, каменный прямоугольник, больше напоминающий монолитный стол, выглядел невзрачным и неприметным.

– Вижу.

– Он для... Этот круг питается жизненной силой.

Дэйн одернул ладонь от магического потока и снова посмотрел на круг. Теперь его плавное вращение выглядело зловещим.

– Хочешь сказать, что эта энергия – жизни всех, кого ты сожрал?

– Никого я не жрал! – возмутился дракон. – Но...да. Это магия – проклятие. И каждые три года, оно требует новую... жертву.

Дэйн внимательно взгляделся в лицо дракона, стараясь распознать, лгал тот или нет. Дэйн едва ли что-то понимал в магии, все это могло быть просто красивым представлением.

– Значит ты что-то вроде послушного пса, что носит уток для охотника?

– Да, – дракон задержался с ответом всего на секунду, но ее хватило, чтобы Дэйн понял, слова задела ящера. Но тот не стал отрицать, не впал в ярость. Все происходящее меньше и меньше походило на ложь. Дэйн убрал руку с рукояти кинжала. – Ты сказал, что не хочешь убивать меня. Просто не делать этого не получится, верно?

– Если я никого не убью, то лишусь рассудка. Я буду уби-

вать и убивать, пока проклятье не решит, что ему достаточно.

Дэйн вспомнил легенду.

– То есть, когда ты разрушил город, то не был в гневе, что люди ослушались тебя? Это было проклятие?

Лицо дракона побелело, он стал похож на мраморную статую. Воспоминания о том дне ящеру явно не нравились.

– Я сказал тебе достаточно, – дракон старался говорить спокойно, но Дэйн услышал дрожь в голосе. – У тебя две недели. Ты волен провести их как угодно. Замок в твоём распоряжении.

Едва договорив, дракон развернулся и ушел так быстро, насколько позволял шаг. Это было практически бегство.

Дэйн еще раз взглянул на золотой магический круг.

– Так просто свою жизнь я ни тебе, ни ему не отдам.

В ответ круг продолжил безмолвно вращаться. Ему было совершенно все равно.

Оставшись в одиночестве, Дэйн еще немного побродил по коридорам, запоминая приблизительно, где и что находится. Замок был не большим, но система коридоров, похожих один на другой, напоминала лабиринт.

Дэйн выбрал простенькую комнату поближе к северному крылу и уже планировал туда ночную вылазку. Идти прямо сейчас не решился, пусть дракон буквально разрешил ему. Дэйн относился к этим словам с осторожностью, как и к са-

мому ящеру.

С еще большей осторожностью Дэйн относился к магии. всю жизнь он прилежно тренировался, наращивал силу и умение сражаться. Что делать с магией, для которой, как оказалось, сила не имела никакого значения, он не знал и сильно жалел, что пропускал и без того редкие занятия с местным, не самым искусным магом. Научить колдовать он бы не смог – у Дэйна не было способностей, но рассказать, как та работает – да. Дэйн вздохнул, сейчас жалеть об этом уже не было смысла.

За две недели можно было попробовать вернуться обратно и найти сильного мага, но даже если на острове есть корабль или лодка, его все еще окружал туман, очевидно, проклятый магией.

А если сбежать все же удастся, неизвестно, когда проклятье решит взять свою жертву. Сохранится ли правило двух недель? Бессмертный дракон может явиться в любую минуту и убить кучу народа. А это как ни крути, шло вразрез с планами стать героем и быть воспетым в песнях.

Дэйн взял в руки кинжал и принялся отрабатывать выпады. Упражнения помогали успокоиться, сосредоточиться и привести в порядок голову. Тренироваться с мечом ему нравилось больше, но сейчас подошла бы и деревянная палка.

Оставался только один вариант. Если Дэйн что-то и знал о проклятиях, то это то, что их накладывают, а что наложили, можно и снять. Осталось только понять, как.

В конце измотавшись, Дэйи рухнул на постель, ощутив, как желудок недвусмысленно напоминает о себе. Чувство голода удивляло. Как бы не сложился исход боя, Дэйи не планировал здесь есть. Именно сейчас, даже не когда выбирал комнату, парень понял, что влип куда сильнее, чем изначально рассчитывал.

Живот снова заурчал, и Дэйи поморщившись, поднялся. Дракон что-то говорил о столовой, но тогда его слова пролетели мимо ушей, и Дэйи сам отправился на поиски. Вскоре, как ищейка, он напал на след аромата свежей выпечки и жареного мяса.

След привел его в столовую, небольшую и слегка закопченную, с большой каменной печью. Посредине стоял крупный дубовый стол, а на противнях сверху лежал свежий хлеб. Рядом стояли глиняные горшочки, от которых тянуло паром. Дэйи почувствовал, как аппетит разгорается с новой силой.

Но больше его поразило другое. Хозяин замка, сменивший легкий воздушный наряд на хлопковую рубашку и штаны, подвязался передником и самозабвенно отскребал от залы котелок.

Эта картина впечатлила Дэйи настолько, что тот просто-таки добрую минуту, пока дракон не подпрыгнул от испуга, обернувшись.

– Нельзя так к людям подкрадываться! – завопил он, прижав руку к сердцу.

– Я думал, у драконов сверхслух или вроде того, – про-
бормотал Дэйн, а сам подумал – людям?

– Нет, у меня никакого сверхслуха. И огнем я не дышу.
Кто рассказал тебе такие сказки? Ты голоден? – не дожидаясь
ответа, дракон пододвинул Дэйну один из горшочков. –
Это мясное рагу со сладким перцем. Сделал пока на свой
вкус, но, может, есть какие-то пожелания? Я неплохо готовлю,
– дракон улыбнулся и ловко положил приборы к горшочку.
– Завтрак и обед будет здесь, а ужин – в большой столовой,
хорошо? Запомнил, где она?

Дэйн медленно сел за стол на деревянную лавку и машинально кивнул на все вопросы. Он был сбит с толку, ошарашен происходящим. Чудовище, что он стремился убить, приготовило ему обед? И более того, называет себя человеком?

– Не любишь такое? Могу сделать что-нибудь еще.

Дэйн дернулся и обнаружил себя с занесенной над блюдом ложкой.

– Нет, я, – Дэйн зачерпнул рагу. – Просто задумался. Вкусно.

«Идиот, – тут же выругался про себя Дэйн. – А вдруг отравлено?»

От похвалы дракон расплылся в такой довольной улыбке, что подозрения Дэйна тут же отпали. Дракон вернулся к своим делам. Котелок не скреб, но что-то переставлял, помещивал, пересыпал, гремя посудой. Дэйн ел и все время форму-

лировал в голове вопрос, подбирая слова. Не потому, что боялся дракона разозлить, Дэйн вдруг понял, что вообще его больше не боится, а потому, что тот мог сбежать от любого неосторожного слова.

– Получается, – наконец произнес Дэйн, – это проклятье сделало тебя драконом?

Звуки затихли, а руки дракона замерли.

– Да.

Почему тебя прокляли? – хотелось спросить Дэйну, но вслух он спросил куда более важное:

– Ты знаешь, как снять проклятие?

Дракон вздохнул, устало и как-то обреченно.

– Его нельзя снять. В этом его смысл.

– Хотя бы расскажи мне суть, может я смогу придумать как...

– Ты тренировался? – дракон резко обернулся, не дав договорить. И нарочито принюхался. – Я приготовлю ванну.

Дэйн мгновенно покраснел. Дракон сразу почувствовал, что от того несет, но тактично молчал, а сейчас просто бросил в него это знание, изворачиваясь от вопросов, как самый настоящий ящер.

Уже когда дракон вышел из столовой в коридор, Дэйн опомнился и крикнул:

– Ты даже не хочешь дать мне возможность *попытаться* не умереть?!

Ответом ему были тихие шаги.

Внутри Дэйна заклокотала ярость. Он ждал схватки с чудовищем, которая прославит его, а получил интриги уровня его сестры, когда той было четырнадцать.

Дэйн так и сказал дракону за ужином.

– Для существа, которое прожило так долго, ты ведешь себя на редкость глупо. Разве седина не прибавляет мудрости?

Дракон не обиделся, напротив, его глаза зажглись ехидным огоньком.

– Неужели? И сколько, по-твоему, мне лет? – он элегантно поднял в руке серебряный, дорого украшенный кубок и сделал глоток. Но дорогим был не только кубок. Вся сервировка стола выглядела так, словно здесь ужинал сам король. Дэйн, конечно, не был на ужинах короля, но представлял себе его именно так. Несколько видов блюд, множество приборов и хорошее, дорогое вино.

Дэйн уже почувствовал в вопросе подвох, но выдал то, что знал.

– Не меньше трехсот, если считать с момента, когда ты появился.

Дракон улыбнулся. А Дэйн поежился. Ему пришлось одеться в то, что оставил ему дракон, потому что его собственные вещи нуждались в чистке. Чужие рубашка и штаны были неудобными, несмотря на приятную к телу ткань.

– Всегда забавно послушать, что про тебя говорят за туманом, – дракон аккуратно отрезал кусочек мяса ножом, и

отправил его в рот. Дэйн не видел прежде, как едят аристократы, но готов был поклясться, что именно так. – Но это неправда, мне... – дракон задумался на секунду. – Примерно двадцать шесть.

Дракон раздражал все больше, а теперь достигнул пика, видимо решив поиздеваться.

– Это невозможно.

– Просто дело в том, что я не живу в привычном понимании. Когда проклятье завершает свой цикл, я засыпаю, и просыпаюсь только через три года. У меня есть месяц, поэтому если сложить все время – получается столько.

– То есть, ты живешь один месяц из трех лет, а в остальное время – спишь?

– Верно, из трехсот лет, я бодрствовал чуть больше восьми. А попал сюда в восемнадцать.

Дракон продолжал есть, а в голове Дэйна копилось все больше вопросов. Странное проклятие. Если нужна была просто жертва, к чему эти расшаркивания? Можно ведь просто принести кого-то на остров и убить, не мешкая. Зачем-то нужны эти ритуалы, сам Дэйн, и этот ящер, снова разодевшийся, на этот раз в темно-фиолетовую накидку.

– И почему так происходит, ты мне, конечно, не расскажешь?

Дракон оборонительно улыбнулся. Дэйн был уверен в таком ответе. Удивительно, он знал этого дракона меньше суток, а понимал, будто давнего знакомого. И потому пошел

другим путем.

– Хорошо устроился, – подначивал Дэйна. – Живешь вечную жизнь, судя по всему, не стареешь. Жители островов собирают тебе дары, всего-то нужно убить одного человека раз в три года. Спишь много, конечно, но кто не любит хорошо выспаться? Думаю, многие согласились бы поменяться с тобой местами.

– Это совсем не так! – на мгновение дракон растерял свою деланую беззаботность. – Я вовсе не хочу всего этого.

– Тогда почему ты не отдашь проклятию *свою* жизнь?

Дэйна надеялся сбить этим вопросом с толку, выяснить хотя бы намек, как проклятие снять, но дракон ответил как-то слишком быстро и обреченно.

– Я пытался. Множество раз. Как видишь, ничего не вышло. Да ты и сам уже успел убедиться.

– Просто нужно пытаться как-то иначе, – злее, чем ему хотелось, бросил Дэйна, имея в виду, что тому не помешало бы самому все рассказать, но дракон понял по-своему и только улыбнулся.

– Пытайся, – просто произнес дракон, фактически давая разрешение на собственное убийство. – Буду рад, если ты преуспеешь.

От того, как искренне прозвучали эти слова, Дэйна бросило в холод.

– Как тебя зовут? – вдруг спросил Дэйна, и неожиданно именно эти слова выбили собеседника из равновесия. На

секунду «маска» дракона треснула, на лице проступило искреннее удивление. – Если ты был человеком, у тебя должно быть имя.

– Имена, – осторожно заговорил хозяин дома, нервно тебя вилку, – тоже что-то вроде магии. Лучше не знать.

Дэйну даже начало казаться, что он видит этого заносчивого ящера насквозь.

– Дело не в магии. Ты боишься, что убивать меня будет сложнее, если узнаешь, как зовут? Потому мое не спрашиваешь и свое не называешь, – Дэйн видел, что собеседник вновь замер и побелел, но щадить его не собирался. В конце концов, не он тут играет в великие магические тайны, вместо того чтобы заниматься делом. – Меня зовут Дэйн. – печатал тот.

– Ты жесток, Дэйн, – снова эта улыбка. Изломанная, раненая, измученная.

– А ты – дурак, раз отказываешься помогать, да еще и строишь тут невесть кого, – парень поднялся, вытирая рот салфеткой. – Я не дам себя убить и сниму проклятье, не важно, будешь ты помогать или нет. Ящер.

У самого выхода Дэйн все же обернулся. Дракон замер над недоеденной едой, и даже со спины было видно его напряжение, которое казалось, физически ломает его.

Этот вид наскреб в душе Дэйна немного сочувствия.

– Спасибо за ужин.

Дождавшись глубокой ночи, Дэйн выбрался из комнаты, чтобы наведаться в северное крыло.

Звуки и шорохи гуляли в огромном замке и пользовались пространством как полноправные хозяева. Дэйн освещал себе путь небольшой свечой, а тьма вокруг манила к себе, казалось, ей было одиноко, и она только и ждала, чтобы затащить к себе во мрак кого-то заплутавшего.

Бесшумно открыть дверь в северную часть не вышло, и, опасаясь быть обнаруженным, Дэйн решил попробовать пробраться через окна. Для этого пришлось выйти из замка, и сделать большой крюк, как можно дальше оттуда, где располагалась жилая зона.

Сад, что раскинулся вокруг замка, был диким, и только отдалено напоминал прежнего себя. Цветы боролись с сорняковой травой, а плодоносные деревья соседствовали с молодыми, дикими и лесными.

Но даже так, вокруг витал приятный запах яблок, еще незрелых в это время, но уже крупных. Дэйн глубоко вздохнул. Свежесть летней ночи успокаивала. Из-за тумана не было видно звезд и луны, лишь мутное светлое пятно, и небо выглядело непривычно светлым, словно вот-вот должен был пойти снег.

Дальняя сторона северного крыла, была в ужасном состоянии. По этой части замка было видно, что тот не видел должного ухода десятилетиями. Стены поросли плющом, кое-где растрескались, а в некоторых местах зияли ды-

ры. Окна были заколочены, но стоило Дэйну легонько толкнуть заграждение, как древесина, жалобно скрипнув, надломилась, открывая проход.

Внутри пахло сыростью, воздух был спертый, повсюду свисала паутина. Дэйн расчихался, а эхо усилило эти звуки многократно. На секунду Дэйн даже испугался, что дракон услышит, но время шло, а ящер не появлялся.

Дэйн заглядывал в комнаты, проходил коридоры, сам не понимая, что ищет, но полный уверенности, что найдет.

В этом темном, затхлом месте, дракон наверняка прячет какой-то ужасный секрет, а может здесь хранится причина его бессмертия. Дэйн вместе с Сишель всегда любили слушать сказки, и в них рыцари, забираясь в такие места, в награду за свою смелость всегда находили что-то важное.

Однако с каждым обысканным закутком уверенность Дэйна таяла. Он надышался пылью так, что уже болела голова, и настолько провонял местным ароматом, что дневная ванна пошла насмарку.

Небольшие перемены все же происходили, например, чем ближе к жилой зоне он приближался, тем ухоженнее становилось пространство. словно кто-то изредка сюда заходил, пытаясь сохранить хоть иллюзию заботы. Когда Дэйн увидел впереди те самые двери, которые отделяли северное крыло от остальной зоны, то едва не впал в отчаяние, как вдруг совсем рядом набрел на дверь, которую, судя по всему, использовали чаще остальных. Дэйна вновь обуяло воодушевление.

Та была не заперта, и он без труда прошел внутрь. Вокруг грудами, кучами лежало множество разнообразных вещей. Портреты, крупные бочки, россыпь каких-то мелких вещей. В одной груде Дэйн заметил торчащий лук с колчаном. Тот был старый, но вполне рабочий. Дэйн постоял возле него несколько мгновений, колеблясь, сам не понимая из-за чего, и двинулся дальше, не тронув оружие.

Дэйн кружил вокруг загромождённых башенок и все больше понимал, что это помещение дракон использует как склад ненужных вещей. Здесь была даже уже непригодная мебель. Но явно ничего, что могло бы ему помочь. Уже собираясь уходить, Дэйн заметил светлую горку вещей в отдалении. Приглядевшись, он понял, что это было платье невесты, в котором он тут и оказался. Дэйн приблизился, поднес свечу, и застыл, пораженный.

Под свежим, белоснежным платьем, лежало другое, более ветхое и пыльное, а под ним еще и еще. Целая груда платьев, похожих друг на друга, а рядом это огромные, неудобные головные уборы с жемчужными нитками.

Дэйн задрожал. Эти платья, пусть и пустые, оставленные хозяйками, ярко показывали, сколько девушек сгинуло здесь на острове. Дэйн, конечно, знал, что их была почти сотня, но сейчас, глядя на груду платьев, словно это была не одежда, а гора мертвецов, прочувствовал, как много жизней здесь было отнято.

Постепенно оцепенение Дэйна перешло в ярость. Этот

дракон играл с ним в молчанку, советовал оставить попытки, что-то говорил про нежелание убивать, но вот перед ним гора этих платьев. А дракон даже не хочет рассказать ему все, что знает.

– Чудовище, – зло выпалил Дэйн. Он вернулся туда, где лежал старенький лук со стрелами. Вытащил оружие, нашел каждую до последней стрелы и отправился обратно, пообещав себе, что найдет способ убить этого монстра непременно.

Наутро Дэйн без труда нашел маленькую столовую. Есть ему совершенно не хотелось, несмотря на аппетитные ароматы. У него был план, и это было единственным, о чем он мог думать. Дракон в уже знакомом переднике готовил что-то по запаху напоминающее запеченную с чесноком курицу.

– Доброе утро! – бодро произнес ящер, заметив его. От его вчерашней мрачности не осталось и следа. Тот наверняка решил делать вид, что ничего не произошло. – Завтрак... Что-то случилось?

Дэйн смотрел прямо, борясь с желанием броситься на дракона прямо сейчас. Гора платьев намертво отпечаталась у него перед глазами. Видимо скрыть свои мысли у него не получалось. Зато у ящера хорошо получалось притворяться добреньким и делать вид, что все хорошо, чтобы потом убить. И бросить все, что может напомнить о Дэйне в гору пыльных вещей.

– Ночью в замке не слишком уютно, – сказал Дэйн первое, что придумал и посмотрел на гору глиняной посуды. – Ты спрашивал, чего бы мне хотелось?

Дракон улыбнулся. Такой простой вопрос казалось, действительно, обрадовал его. Дэйн едва сдержался, чтобы не поморщиться, его начинало раздражать, что он понимает эти оттенки улыбок так хорошо. Он не должен понимать монстра.

– Конечно! Придумал что-то? Говори, я все сделаю.

– Хочу яблочный пирог.

Дракон поумерил свой пыл.

– Яблоки еще не дозрели...

– Ну, – как можно ровнее произнес Дэйн, – как я понял, возможности ждать, у меня нет.

Дэйн замер в ожидании ответа. Ему нужно было выманить дракона на открытую местность. А с замка будет удобно незаметно сделать выстрел. Вероятность, что тот умрет, была ничтожной, но вдруг эффект неожиданности сыграет свою роль? Вдруг, хоть что-то сыграет?

– Да, ты прав... – в голосе дракона звучала тоска. – Получится, наверное, не так вкусно, но лучше так, – дракон вернул себе улыбку. – К обеду будет готово.

– Прекрасно, – ответил Дэйн, чувствуя одновременно и радость, что план удался, и стыд, за то, что обман получился так легко.

Два этих чувства боролись внутри Дэйна, пока тот дожидался дракона в укрытии. Тот вооружился плетеной корзиной и переделался в свою излюбленную накидку с огромными рукавами, на этот раз нежно-голубого оттенка. Казалось, у дракона их было столько, что он мог менять их каждый день по нескольку раз.

Дэйн расположился у маленького окошка специально предназначавшимся для лучников. Деревья периодически закрывали обзор, лук был ветхим, а натяжение тетивы уже давно было не то, что прежде. Но, чтобы нанести смертельный удар с такого расстояния человеку без доспехов, точно было достаточно.

Два раза дракон уже хорошо вставал для удачного выстрела, но Дэйн мешкал. В его голове то появлялся образ горы платьев, то золотой круг, то вчерашний драконий вид. Измученный и истерзанный.

«Пытайся, – вспомнились его слова, – Буду рад, если ты преуспеешь».

Руки непривычно дрожали.

«Соберись, – мысленно приказал себе Дэйн, натягивая тетиву. – Не ведись на это. Здесь могла оказаться Сишель. Он убийца и просто играет с тобой».

Дэйн еще раз вспомнил о платьях, дракон опрометчиво повернулся спиной, и в секунду стрела свистнула, улетев вперед.

Дракон услышал что-то в последнюю секунду и успел

немного повернуться. Стрела вонзилась ему в шею, прямо под левым ухом, застряв внутри наконечником.

Дракон рухнул, выронил корзинку, и собранные яблоки рассыпались вокруг. Дэйн дернулся, сам не зная почему, но вовремя остановил себя и стал ждать.

Вокруг стрелы сверкнуло ярко золотым. Дракон закашлялся, кровь окрасила ему зубы и рот. Он схватился за стрелу, пытаясь выдернуть ее обратно, но наконечник цеплялся внутри, не давая этого сделать.

Дэйн сморщился, глядя на эту пытку.

«Он не умеет вынимать стрелы... – понял Дэйн. – Тем лучше... – убеждал он себя, но руки его по-прежнему дрожали. – Если магия защищает его, он не умрет, а если нет – проблема будет решена».

Дракон продолжал кашлять и хрипеть, дергал стрелу беспорядочно, не в силах выдернуть. Золотое сияние не исчезало, но и не лечило.

Дракон рухнул на спину, отпустил древко, видимо отчаявшись что-то сделать, продолжал кашлять, пытался вдохнуть и не мог.

«Что происходит? – недоумевал Дэйн. – Он что... не может вылечиться? Но и умереть не может?»

Пальцы дракона стали взрыхливать землю, а из горла попеременно вырывались свист и хлопанье.

Через десять ударов сердца, Дэйн, повинувшись незнакомому для себя импульсу, мчался в сад, и, оказавшись напротив

лежащего дракона, который продолжал хаотично дергаться и трястись, опустился рядом.

Дракон словно не видел его или не узнавал, но насколько мог, выставил вперед руку, пытаясь защититься.

– Не бойся, – зачем-то выпалил Дэйн, – я помогу...

Не дожидаясь реакции, Дэйн одной рукой зафиксировал шею, другой резко протолкнул стрелу так, что наконечник вышел с обратной стороны, обломал его и выдернул древко.

Дракон вскрикнул и закашлялся, магия сверкнула золотом, и через секунду раны на шее уже не было.

Дракон глядел уже осмысленно, но все не мог отдышаться. А Дэйн замер, не понимая, что и зачем сделал, сам себя не понимая. Он смотрел на свои окровавленные руки и думал лишь о том, что вынимать стрелы из учебных чучел ему нравилось больше.

Они встретились глазами, и Дэйну вдруг стало совестно, он первый отвел взгляд.

– Спасибо, – тихо произнес дракон, когда его дыхание немного выровнялось.

– Что это было?! – зло выпалил Дэйн. – Ты говорил, что не можешь умереть, почему сейчас все было... так?

Дракон приподнялся, запахнул растрепавшуюся накидку, переполз ближе к яблоне и сел, оперившись на ствол. Казалось, что сил у него не осталось совсем. Дэйн сделал то же самое, не потому что ему нужна была опора, просто смотреть в глаза дракону было по-прежнему совестно.

– Я говорил, что не могу умереть, но не сказал, что неуязвим... Я сам не до конца понимаю, как это работает, но...

– Почему не обратился?! У тебя точно достаточно сил, чтобы справиться с одной несчастной стрелой в шее.

Дракон бросил на него долгий нечитаемый взгляд, который Дэйн не смог разобрать.

– Это трудно описать... – наконец отозвался дракон. – Ты когда-нибудь тонул?

Дэйн кивнул, вспоминая паническое ощущение вездесущей воды и полной неразберихи в голове.

– Это нечто похоже... я не успел подумать, что нужно сделать, а потом... кажется, потерял сознание.

– Но ты двигался!..

– Это было проклятие. Оно владеет моим телом куда больше меня. Я вроде и помню все, но все словно в тумане... – дракон взглянул на свои руки, перепачканные в собственной крови.

Дэйн замолчал, его руки дрожали, и он крепко стиснул кулаки, чтобы скрыть это даже от себя, а потом спросил:

– И что бы случилось, если бы я не вмешался?

– Полагаю, я бы умер через какое-то время, – Дэйн вздрогнул. Дракон заметил это и слабо улыбнулся. – Но не спеши корить себя, я бы вернулся, – дракон прикрыл глаза. – Однажды моя гостья изловчилась отрубить мне голову. Я и тогда умер, а потом целый и невредимый открыл глаза под этим проклятым кругом. – В последних словах дракона сквозь

усталость вдруг прорезалась злость, а потом им снова завладело бессилье. – Я же сказал, что... пытался все это остановить. Какой бы вариант ты не придумал, поверь, я попробовал все, – дракон улыбнулся, и в улыбке этой было много печали и тоски. – Прости.

– А если сделать то же самое, только в день...

– Тогда я умру и обращусь, либо просто обращусь, тут могут быть варианты, вылечу себя, а потом найду тебя на острове, где бы ты не спрятался. – Дракон прикрыл глаза. – Мне никогда не понять, что ты чувствуешь, узнавая все это, но просто попробуй принять мой совет... Проклятию все равно на тебя и меня, оно просто находит способ сделать то, что ему нужно. Ты можешь предлагать варианты, спрашивать, что я уже пробовал... Запирать меня, прятаться, отрубить мне ноги или руки, снова воткнуть мне стрелу в шею, все что угодно. Если твой выбор прожить эти дни так, я помогу во всем, сделаю все, что ты попросишь...

Дэйна замутило от описываемых ужасов. Дракон говорил не абстрактно, он действительно пытался сделать все это.

–... Но лучше оставь эти попытки. У тебя действительно мало времени, и поверь, ты будешь жалеть, что потратил его напрасно.

Дэйн не знал, что ответить. Его взгляд вдруг наткнулся на повалившуюся набок корзину с раскиданными яблоками.

«Сделаю все, что ты попросишь...»

Дэйн вспомнил о комнатах, что дракон предлагал в самом

начале. Каждая из них была убрана и приготовлена с должным усердием, с желанием порадовать того, кто поселится в ней.

Дэйн вдруг отчетливо понял, что дракон изо всех сил старается сделать последние дни жизни оказавшегося здесь человека приятными. И если он готов прилагать такие усилия в подобной мелочи, то уж снять проклятие пытался не меньше. Парня впервые пронял страх, что ничего не выйдет, что дракон его убьет.

Его стегнула мысль, что люди, бывшие здесь до него, тоже хотели жить и тоже пытались. И у них ничего не вышло...

Дракон больше ничего не сказал, он молча поднялся, собрал раскиданные яблоки и ушел, оставив Дэйна одного. Он не знал, сколько просидел так в саду, крутя в голове одну единственную мысль – убить дракона, пока цело проклятье, не выйдет. А снять его, со слов дракона, невозможно...

– Нужно, что-то придумать, должен быть способ... Я должен вернуться. Я не могу умереть здесь вот так...

Когда Дэйн снова встретил дракона в столовой, на столе его ждал яблочный пирог. Дэйн долго смотрел на него, не в силах разобрать тот шторм эмоций поднявшийся, стоило только увидеть эту нехитрую выпечку.

– Надеюсь, что вышло хорошо, – дракон снова делал вид, что ничего не случилось. Снова сменил одежду на чистую. Снова улыбался.

И у Дэйна созрел новый план.

– Спасибо, – улыбнулся парень.

«Подыграю ему, – решил Дэйн, – Сделаю так, чтобы он поверил, потерял бдительность».

– Я обдумал твои слова, – Дэйн осторожно разрезал пирог и положил себе кусочек. – Увидел все сам...

«Рано или поздно он проговорится, даст подсказку».

– Ты прав, у меня мало времени. И я действительно просто хочу... прожить это время. Ты все тут знаешь, подсказешь мне как?

Лиловые глаза расширились в удивлении.

«И тогда я сниму это проклятье».

– Признаться, я удивлен, – дракон не врал, даже привычную улыбку вернуть на лицо не мог. – Но у меня есть пара идей.

Из предложенных драконом вариантов Дэйн выбрал прогулку на лодке и на следующий день они отправились к морю. Не то чтобы ему, как жителю островов это действительно было интересно, в море он бывал множество раз, но это был шанс осмотреть местность и узнать, где дракон хранил эту самую лодку.

Та оказалась такой старой, что практически молила о пощаде. В городе такой рухлядью побрезговали бы даже самые бедные рыбаки.

Сегодня дракон надел темные штаны и рубашку с обши-

тым рюшами воротником. Дэйн уверился в его страсти к странной одежде. Ящер тем временем самозабвенно греб по маршруту. Туман, словно купол, закрывал остров от посторонних, защищал его или, – Дэйн бросил взгляд на дракона, – удерживал, словно в клетке.

– Полагаю, что мне не уплыть на лодке, пока здесь туман? – Дэйн воспользовался разрешением дракона задавать вопросы, но все равно старался действовать как можно более аккуратно. Дэйн уже понял, что стоит надавить чуть сильнее, и ящер прятался, словно черепаха в панцирь.

– Верно, – ответ прозвучал просто, даже буднично, – я тоже могу покинуть остров лишь раз. А потом проклятье возвращает меня обратно.

– А если... – мысль, пришедшая в голову, была неприятной, и произносить ее вслух было отчего-то трудно: – Если попробовать... в тумане сделать... что-то?

Но дракон его понял.

– Я однажды пытался сбежать, полетел напрямиком в туман и заблудился, летал, пока не выбился из сил, упал в море... очнулся на алтаре, – дракон держал слово, рассказывал все и даже выглядел при этом так, словно в этом не было ничего особенного, словно рассказ о собственной смерти не трогал его.

– Почему ты не попросишь помощи? Например, не оставишь послание, когда прилетаешь за девушкой?

– Я пытался, – вновь улыбнулся дракон. – Что бы я не

брал, бумагу, гравировку... Все исчезает, когда я пролетаю туман. Я пытался писать на земле там – то же самое, стоит мне написать хотя бы букву, все пропадает.

Дэйн оставил дракона в покое и погрузился в раздумья. «Я пытался сбежать, я пробовал, я не хочу этого». Все это проклятье – наказание. Дэйн бросил на дракона короткий взгляд исподлобья.

«Что он такого натворил? За что оказался здесь?»

Наконец, они доплыли в место, где большие валуны, торчащие из воды, образовывали безветренную округлую бухту.

Камни защищали это место от ветра, и дракон, заплывая, тоже старался сделать это как можно более осторожно. Водная гладь была практически неподвижной.

– Смотри, – шепнул дракон и кивнул куда-то в воду. Дэйн скептически перегнулся через борт и замер.

Через прозрачную гладь воды на Дэйна смотрела россыпь камней, рыб, ракушек, причудливых форм. Каждый из морских обитателей словно создавал собой полотно жизни причудливого морского города, другого мира. Рыбки, увидев гостей, не уплывали, а напротив, заинтересовано приближались. Дэйн не видел такой красоты. В приморских городах, все, что могло принести хоть какую-то пользу, давно собрали и изловили. Дэйн осторожно погрузил руку в воду, и рыбки, подплыв задумчиво стали покусывать пальцы, пробуя на вкус.

– Почему они не уплывают? – Дэйн не заметил, как от

восхищения перестал дышать и перешел на шепот. Дракон присел рядом.

– Они не видят людей, потому не боятся. Держи, – дракон вложил в ладонь Дэйна хлебный мякиш. Пальцы ящера оказались холодными, несмотря на теплый, хоть и пасмурный из-за тумана, летний день.

Хлебный кусочек упал в воду и рыбки с радостью подхватили и унесли его, затем еще и еще. Вскоре вокруг лодки кружилось облачко разноцветных пятен. Дэйн не мог оторвать восторженного взгляда.

– А они могут уплыть отсюда?

«А ты можешь? – про себя добавил Дэйн».

Дракон покачал головой.

– Под водой тоже туман.

– Тогда, что стало с людьми? – Дэйн спросил прежде, чем успел подумать. Вопрос был как раз из тех, что мог превратить дракона в черепаху.

Замок, пусть и был маленьким, нуждался в слугах, солдатах, что должны были его оборонять. Если они, как и рыбки и прочие обитатели оказались здесь заперты, куда они делись?

– Они испугались, – глядя в водную гладь ответил дракон. – Многие пытались меня убить, когда не вышло – прятались, а потом время вышло, и я просто уснул. А когда проснулся через три года, на острове не было ни одного корабля, и ни одного человека.

Дэйн посмотрел в сторону, где клубился серый туман. По

спине парня пробежал холодок.

Они сделали еще несколько остановок. Посмотрели красивые пещеры со сталактитами. Съели запасенный драконом перекус. Больше ничего о проклятье Дэйна не спрашивал, чувствовал, что, несмотря на внешнее спокойствие, ящер едва держится, и любой неосторожный вопрос – и тот сбежит под любым предлогом.

Зато на вопросы о самом острове тот отвечал с радостью и даже с жадностью. Было ясно, что тот изучил его вдоль и поперек, нашел множество красивых мест и страдал без возможности поделиться ими с кем-то.

Потому, когда Дэйна, заметив на высоком отвесном утесе, прямо в центре, красное пятно сгрудившихся цветов, и спросил о них дракона, сильно удивился, что тот поджал губы и налег на весло, увеличив скорость.

– Название у них не слишком... приятное.

– И все же? Я буквально *умираю* от любопытства, – Дэйна хитро улыбнулся. Он почувствовал, что случайно напал на след чего-то важного и отступить не собирался.

– У тебя крайне пугающее чувство юмора, – заметил дракон, даже позабыв, что должен грести. – Они называются «Поцелуй смерти». Говорят, в них заключены частицы магии.

Магии?

Дэйна присмотрелся. Он прежде не видел таких цветов. А вся живность и растения на острове были крайне похожи на

те, что росли на Великих островах. Это, поведение дракона и магия, натолкнули Дэйна на мысль, что цветы как-то связаны с проклятием.

А следом вдруг так же ярко, как расцветал поцелуй смерти на фоне серой скалы, Дэйна поразила другая мысль.

Дракон так подробно и четко отвечал на все вопросы, кроме самых важных – о проклятии, причине его наложения и способе снятия, что может дело было не в том, что он не хотел, может, он не мог на них отвечать.

Может суть проклятия такая, что именно Дэйну должен догадаться, как проклятие снять?

Бывает ли такое? Могут ли проклятия так работать? Если бы у Дэйна была хоть какая-то возможность узнать.

Дракон тем временем повернул к старой пристани, откуда они начали прогулку.

– Хочешь заняться чем-нибудь еще? Ратное дело, например? Я неплохо фехтую.

– Идея хорошая, но есть ли здесь библиотека?

– Библиотека? – удивился дракон и снова перестал грести.

– А что, я похож на дикого неуча? – Дэйну забрал у дракона весло и сам уверенно погреб к берегу, набрав скорость.

– Прошу простить мою бестактность, – улыбнулся дракон и сделал изящный полупоклон. – Просто ты меньше всего похож на человека, просиживающего вечера за книгами.

– Ты прав, – сказал Дэйну, и решил подыграть дракону. – Но какой смысл тренироваться, если драться мне уже не при-

дется? Я всегда избегал книг, а говорят, через них можно познать мир. Самое время, получается.

Дракон помрачнел и кивнул.

– Конечно, у меня довольно много книг, я покажу тебе.

– Знаешь, ты мрачнееешь, чтобы я не сказал, – Дэйн знал, что, скорее всего, пожалеет о своих словах, но те рвались, и удержать он их был не в силах. – Как будто тебя печалит и то, что я не готов смириться со своей участью, и то, что готов.

– Ты очень наблюдателен, – теперь дракон избегал смотреть в глаза, и, потеряв необходимость в управлении лодкой, делал вид, что с интересом рассматривает пейзаж, который видел не раз и успел изучить досконально. Больше дракон не сказал ни слова, а Дэйн боялся нарушить молчание.

День и без того вышел насыщенным и по возвращении, дракон предлагал отложить посещение библиотеки на следующий день, но Дэйн настоял, и после ужина они отправились туда.

Библиотека с одной стороны оправдала все представления Дэйна о том, как должна выглядеть библиотека в замке, а с другой – оказалось полностью иной. Дракон просто переоборудовал одну из комнат.

Множество книг располагалось на полках и шифоньерах, но не меньшее их количество лежало ровными стопками-башнями на полу.

На немой вопрос Дэйна дракон пояснил:

– Библиотека была в северном крыле, а там, сам видел...

Дэйн покраснел от его слов. Дракон, конечно, догадался откуда у Дэйна появился лук.

–... Поэтому я перенес книги сюда. Но разбираюсь с ними постепенно. Итак, что ты хочешь прочесть?

«Инструкцию, как снять проклятие, – подумал Дэйн». Но вслух сказал:

– Можно что-то на твой вкус, даже не знаю, что мне может понравиться.

–О! – в глазах дракона вспыхнули радостные искорки. Он стал торопливо сновать между полок. – У меня есть что посоветовать...

Дэйн хотел посмотреть, есть ли здесь книги о магии, но вид увлеченного делом дракона, приковывал к себе взгляд. Это был тот редкий момент, когда ящер не прятался за улыбками, не старался показаться кем-то, не увиливал.

Редкий момент, когда дракон казался счастливым.

Заметив взгляд Дэйна, дракон замер, как насторожившийся в лесу олень, готовый сорваться и сбежать в любой момент.

– Ты тоже можешь поискать что-то, – сказал дракон, смущенный пристальным вниманием. Дэйн послушался. Обходил полки и башенки, вчитываясь в названия корешков. Иногда стертых и едва различимых, иногда ярко горящих золотом. Дэйн брал в руки и пролистывал все, что казалось хоть как-то связано с магией. Но ни одна из книг не оказа-

лась учебником магии или справочником.

Дэйн уже был готов разочароваться, но вдруг заметил дверь. Все вокруг тонуло в захламленности и заставленности, но к двери вела невидимая дорожка, заботливо проложенная среди вещей. Такт и воспитание велели Дэйну не лезть туда, куда не звали, но желание выбраться живым с острова требовало проверить каждую трещину в замке, если это поможет выжить. Парень бросил на дракона взгляд, тот стоял спиной и продолжал копаться в книгах, приговаривая: «Куда я ее засунул? Должна быть здесь...»

Пальцы Дэйна осторожно коснулись ручки и нежно повернули, стараясь не издавать шума.

За дверью оказалась небольшая комнатуха без окон, пропитанная запахом пыли и заставленная вещами. В основном платьями. Позади у стены стояла накрытая белой тканью картина. Дэйн стянул полотно, открыв портрет молодой девушки. Незнакомка обворожительно улыбалась, ее светлую кожу обрамляли ярко-рыжие локоны, а сияющие голубые глаза лучились молодостью и жизнью.

Возможно, Дэйн успел бы разузнать что-то еще, но внезапно расчихался от пыли. Увидев, что делает гость, дракон оказался рядом так быстро, словно отрастил крылья.

– Там нет книг, – сказал он и решительно закрыл дверь. Дэйн видел, что все остальные портреты были сложены в северном крыле. Только эта девушка была здесь. В этом было что-то особенное.

– Кто она? Это как-то связано с проклятием?

Дракон несколько мгновений вглядывался в Дэйна, а затем устало вздохнул.

– Ты не за книгами сюда пришел...

Дэйн не понял, разозлился тот или разочаровался.

– Скажи мне то, что можешь сказать, – горячо заговорил Дэйн. – Я разберусь с остальным, обещаю. Найду способ снять проклятие. Помоги мне, чем можешь, а дальше я справлюсь.

Дракон отложил книги на ближайшую стопку. На его лице отразилась болезненная печаль, он провел по нему ладонью, словно желал ее стереть, но у него не вышло.

– Я ведь говорил, что проклятие не снять, я пытался...

– Хотя бы расскажи, в чем суть этого проклятия! За что тебя прокляли? Ты просишь, чтобы я просто смирился со своей смертью? Ты просишь невозможного! Я не могу просто поверить тебе и умереть! Меня ждет семья! Я должен вернуться!

Дракон отступил, обхватив себя руками, словно прячась.

– Прости, я больше не могу... – казалось, что он одновременно был готов рассмеяться и разрыдаться. – Больше не могу на это смотреть... Не могу видеть, как ты хочешь жить и знать, что у тебя ничего не выйдет...

Прежде, чем Дэйн успел что-то сказать, дракон прошел мимо, распахнул крупное окно, впуслав вечерний морской воздух, забрался на него в одно движение и, ни секунды не

сомневаясь, рухнул вниз.

Дэйн дернулся, но через секунду увидел, как крупный драконий силуэт, взмахнув мощными крыльями, стремительно удаляется от замка.

Дэйн обыскал библиотеку еще раз, без наблюдающих лиловых глаз, не скрываясь, что именно ищет. Заглянул в содержание безымянных книг, даже в те, чей язык не понимал. Просмотрел все иллюстрации, ища то ли драконов, то ли круги, но все было тщетно, и, кроме ощущения песка в глазах, Дэйн не обрел ничего.

Несколько раз ему хотелось все бросить, найти дракона и вытрясти из него дурь. Выбить это упадническое настроение, заставить поверить хоть на мгновение, что все может получиться. Но с еще большим раздражением, Дэйн понимал, что ящер покорно позволит себя избить, накормит повкуснее, а через две недели прикончит, приговаривая как страдает. Невообразимый идиот.

Или просто сдавшийся мученик.

Надеяться на его благоразумие было бы глупостью, потому Дэйн продолжил поиски.

Уже с большим дискомфортом и ощущением, что лезет в чужую душу, Дэйн осмотрел комнатку в библиотеке и каждый предмет в ней.

На обороте портрета была лишь дата, без имени. Если верить словам дракона, тот тогда был еще человеком. Но

больше никакой информации. Совершенно неясно, кем эта девушка приходилась хозяину замка. Сестрой? Любимой? Прокляла ли она его? Портрет предательски молчал, не давая ответов.

Когда все свечи почти догорели, а небо за окном стало светлеть, Дэйн сдался. В библиотеке не было ничего полезного. Нужно было найти способ действовать иначе.

Уже уходя, Дэйн бросил взгляд на стопку книг, что для него собрал дракон. Это не были книги о магии, просто истории, и Дэйн не собирался всерьез их читать.

Но, сам не зная почему, забрал их с собой.

Следующие два дня дракон не появлялся. Не исчез совсем – в столовой всегда была еда. То тут, то там Дэйн замечал приложенную драконом руку, всегда ощущал присутствие его где-то неподалеку. Но самого хозяина не было видно, словно тот был духом, заточенным в замке. Что, судя по всему, было недалеко от правды.

Дэйн невообразимо злился. Обыскал замок еще раз, внимательно осмотрел все портреты в северном крыле, стараясь держаться подальше от горы чужих платьев, от которой до сих пор пробивал озноб.

Однако теперь, глядя на нее, Дэйн больше не ужасался дракону, а скорее проникался к нему жалостью.

Пытался представить, что мог чувствовать, окажись на его месте. Быть проклятым, убивать, против воли, не имея воз-

возможности сбежать и даже умереть.

«Я пытался, – звенел в голове, пропитанный отчаянием, голос дракона, – поверь, я пытался много раз...»

Дэйну стало дурно. За что бы его не прокляли, такой участи он не заслужил.

Оставшись ни с чем и в северном крыле, Дэйн вспомнил о красных цветах, поцелуе смерти.

«Может быть, – размышлял Дэйн, доедая оставленные драконом булочки в столовой – лишь эти цветы смогут его убить? Если таких цветов нигде больше нет, если считается, что они пропитаны магией, может в этом секрет?»

Дэйн отмахнулся от мысли, что дракон наверняка попробовал и это.

«Может быть, – убеждал он себя, – весь смысл в том, чтобы кто-то спустился и достал их ему? Неспроста нужен кто-то еще? Может дракон и сам этого не знает».

Дэйн даже припоминал такую сказку. И в который раз корил себя, что не изучал их подробнее, вообще не потрудился узнать больше о драконах. Все, что его интересовало – выяснить как можно больше приемов, чтобы убить чудовище.

Но где-то же в этом должно было быть место подвигу? Что-то должно было быть такое, чтобы снять проклятие?

Дэйн сомневался, на каждый аргумент за, находил аргумент против. Пока Дэйн не уперся в самый последний и простой, который поставил в его сомнениях точку – других вариантов у него не было.

Одевшись как можно удобнее, и впервые оставив кинжал, Дэйн отправился к скале.

Еще в прошлой прогулке на лодке Дэйн заметил путь, по которому сможет туда добраться. Но не снизу, а сверху утеса. С лодки идея казалась ему хорошей, но сейчас, глядя на то, как волны остервенело бились внизу о камни, Дэйн сомневался в своей затее.

И все же полез вниз.

Ветер, относительно спокойный на поверхности скалы, здесь, словно жадный ребенок, охраняющий свою игрушку, старался сбросить парня со скалы, не давая добраться до цветов. Словно говорил: «Только я могу нежно касаться их бутонов, убирайся чужак!»

Дэйн продолжал спускаться и с каждым движением думал, о том, какой же он идиот.

Глянув на оставшиеся расстояние, он на несколько мгновений замер, прижимаясь к скале. Страх словно взял контроль над телом и не давал рукам и ногам двигаться.

Один неверный шаг, и он умрет.

«Ты в любом случае умрешь, – напомнил себе Дэйн, – так что двигайся, давай!»

Дэйн не представлял, как полезет обратно, но обещал себе, что, если вернется, больше никогда никого не назовет трусом, особенно сестру. Этот сковывающий ужас, животный, первобытный не давал шевелиться, а ветер, насмехался и улюлюкал такими сильными порывами, что начинала кру-

житься голова.

Дэйн вскинул взгляд вверх. Нужно было вернуться, пока оставались еще хоть какие-то силы.

Дэйн вспомнил сломленную фигуру дракона, когда тот сидел в столовой в их первый ужин. Вспомнил, каким тот был в библиотеке.

«Если ты сейчас сдашься, – строго сказал себе Дэйн, – он продолжит страдать».

Эта мысль отогнала страх. Если Дэйн хотел быть героем, он должен быть им сейчас. Конечности возвращали подвижность постепенно, руки вспотели так сильно, что норовили соскользнуть, а мелкие камешки, выпадавшие из-под ног, словно звали за собой, чтобы разбиться о торчащие скалы.

Когда Дэйн добрался до выступа, где росли цветы, то едва не сорвался от пьянящей радости. Он наклонился, и правой рукой смело дернул сразу три цветка. В эту же секунду он вскрикнул от обжигающей боли и едва не сорвался. Цветы полетели вниз.

– Что б вас! – выругался он, посмотрев на руку. По всей ладони вздулись крупные волдыри. Дэйн неаккуратно дернул край рубашки, с трудом оторвав кусок, обмотал ладонь, и сорвал еще три цветка. Даже через ткань он чувствовал жжение, но поспешил сунуть их в карман штанов, надеясь, что успеет так добраться вверх. Едва коснувшись камня поврежденной рукой, он зашипел. Кисть не сжималась.

– Проклятье!

Рука, которой он держался за выступ, заняла от перенапряжения и боли. Дэйн вот-вот был готов сорваться.

– Что ты там делаешь?! – раздалось сверху.

Дэйн разозлился и посмотрел вверх. Только страдальца ящера здесь не хватало.

– Снимаю проклятие! – ветер подхватил слова, и унес, и Дэйн не знал, услышал ли его дракон.

Тонкая фигура наверху казалось такой маленькой, что уничтожала всякую надежду добраться туда. Не смотри вниз, часто говорили ему, но никто не предупреждал, что смотреть вверх порой еще страшнее.

Дэйн снова попытался ухватиться поврежденной рукой. Кисть жгло, но сквозь боль ее удалось согнуть вокруг камня. Дэйн снова посмотрел вверх, но дракона там уже не было.

Дэйн вдруг почувствовал, что даже если сорвется, не хотел бы умирать в одиночестве.

Дэйн сделал рывок наверх, и в эту же секунду, поврежденная рука разжалась от резкой острой боли. Он почувствовал, как летит вниз, и почти сразу, что-то тяжелое с силой толкнуло его в спину и вжало в скалу.

Едва повернув голову, Дэйн услышал уже знакомое хлопанье кожистых крыльев. Дракон прижимал его когтистой лапой к скале, не давая упасть.

Раздался оглушающий рык. Дэйн с трудом мог определить, что от него хотят, но понял, что, если дракон еще не унес его отсюда, значит, не мог. Несмотря на тесноту, Дэйн

извернулся, и ухватился здоровой рукой за коготь, словно за огромную ветку.

Только тогда дракон двинулся с места, крепко сжал тело парня лапой, и взмыл вверх.

Море, скала и красные цветы стремительно отдалялись. Дэйна сковал страх, но вместе с тем и восторг, он знал, что его не уронят и не отпустят.

Ветер хлестал в лицо, но больше не жестоко, а скорее бодряще. Дэйн чувствовал волну восторга и радости, вдруг разлившейся по телу.

Он летит, словно птица, немногим в жизни была дана такая возможность, и второй полет, несмотря на рану, нравился ему намного больше.

Дэйн не сдержал радостного возгласа, а в ответ услышал раздраженный – и Дэйн смог это разобрать! – драконий рык.

Замок показался совсем скоро. Дракон приземлился на другую площадку, не ту, где до сих пор стояла полуразваленная повозка. Источник хорошей древесины для каминов, как поделился с ним дракон. Эта площадь была куда меньше и больше напоминала огромный балкон.

Дракон осторожно выпустил из лап Дэйна, затем приземлился сам. И впервые обратился в человека при нем. Он стремительно уменьшился, кости собирались, деформируясь и изменяясь, казалось, что огромного дракона собирают в маленькую вазу в виде человеческой фигуры.

Выглядело завораживающе и жутко, так, что Дэйну не смог отвести взгляда, даже когда дракон поднялся уже полностью обнаженным человеком.

Не глядя на Дэйна, он прошел внутрь замка крупным шагом, открыл большие окна, из которых тут же заструились две крупные легкие занавески, и скрылся за ними.

«Это его комната? – подумал Дэйну».

Но не успел он подняться, как уже одетый в свою привычную светлую накидку, дракон появился снова.

«Так вот почему он все время носит эти странные рубашки, – отстранено подумал Дэйну. – Чтобы быстро их надеть и снять для этих превращений».

Каждое движение выдавало в драконе ярость. Он подошел к Дэйну, замер, казалось, что сдерживается, чтобы не ударить.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга. Все еще лежащий на полу, Дэйну не шевелился, пригвожденный силой потемневших от гнева лиловых глаз.

– Ты можешь встать? – процедил дракон.

Дэйну кивнул. Дракон тут же схватил его за плечи и поднял рывком. Силы в нем было явно больше, чем положено человеку.

Увидев поврежденную руку Дэйна, дракон взял его за здоровую и повел внутрь. А Дэйну не нашел в себе силы возразить.

Пока дракон вел его, Дэйну чувствовал, как тот дрожит.

Внутренняя обстановка комнаты походила на всю драконью одежду разом. Вся в летящих и струящихся тканях, над кроватью весел крупный балдахин.

– Садись, – мягкость и легкость оформления сейчас резко контрастировали с жесткостью хозяина.

Дэйн снова молча послушался, все больше чувствуя, что вместо подвига сделал какую-то глупость.

Дракон тем временем достал красиво расписанную крупную шкатулку, от которой пахло травами. Сел рядом с Дэйном на постель.

– Покажи.

Дэйн стал разворачивать уже пропитавшуюся кровью ткань. Дракон поморщился от вида ладони и наконец, дал себе волю:

– Зачем ты туда полез?! – достал из шкатулки чистые тряпки и, смочив в бесцветном растворе с резким запахом, стал протирать ладонь. Дэйн зашипел. – Терпи, – мстительно приказал дракон. – Тебе и так осталось... А ты еще и стремишься сократить оставшееся время!

– Ты сказал, это цветы смерти. Я думал, они связаны с проклятием... Жжется так.

– Терпи, – повторил дракон.

– Я не про руку.

Дракон вскинул взгляд, проследил, куда кивнул Дэйн и увидел торчащие из кармана листья. Дракон рыкнул, совсем по-драконьи, достал из чужого кармана три цветка, смор-

щившись от их обжигающего яда, и отбросил в сторону.

Дэйн зачаровано смотрел, как Дракон смазывает мазью, а затем забинтовывает ему руку, в то время как на драконьих ладонях ожоги пропали почти мгновенно.

– С чего ты взял, что они связаны? – Дракон завязал узелок и осторожно опустил ладонь Дэйна. Тот хмуро смотрел на выброшенные примятые цветы, которые, теперь, очевидно, не снимали никакого проклятие.

– Цветы смерти... И я подумал, нужно их достать или вроде того. Я пытался что-то сделать!.. Если бы ты не молчал и не бегал, а рассказал все, мне бы не пришлось гадать! Я просто пытался спасти... – Дэйн запнулся, едва не выпалив «тебя». Удивился сам себе, бросил на дракона взгляд. Действительно ведь рисковал не для себя, не для своей жизни, —... свою жизнь, – растерянно соврал Дэйн.

– Эти цветы так называются, потому что растут на скалах. А любители покрасоваться лезут за ними и...

Дракон вздохнул. Сложил руки в замок и уткнулся в них лбом. Ярость, что бушевала в нем минуту назад, покинула его, забрав с собой и силы. Он молчал так добрую минуту, за которую Дэйн успел почувствовать себя последним идиотом.

– Я понял, – глухо произнес дракон, убрав от лица руки. Тоска, поселившаяся в лиловом взгляде, разрывала Дэйну сердце. – Прости, что все умолчал. Обычно... Этого хватало. Но я понял, что ты не успокоишься, пока не узнаешь все. Хорошо, – грустная улыбка, – я расскажу тебе. Дэйн.

И дракон замолчал, то ли собираясь с духом, то ли подбирая слова, Дэйн не решался прервать тишину, боясь спугнуть обещанное откровение. Он сам, казалось, замер, застыл во времени в ожидании. Он вдруг понял, что ждал его с той минуты, как они оказались в зале, наполненном золотыми магическими нитями.

Морской ветер колыхал две легкие занавески, слышно было, как волны отчаянно бились о камни.

Два раза дракон размыкал губы, делал краткий вдох, но не издал ни звука. Дэйн видел, как тому было тяжело вспоминать, и еще более – произносить, и если бы ставкой не была жизнь – их обоих, то уже давно остановил бы все это, позволил бы дракону и дальше прятать свои секреты.

– Портрет девушки из библиотеки – это Эмеральд. Я... – дракон смотрел в сторону, но куда-то сквозь пространство, внутрь своих воспоминаний. – Из-за меня она... Нет... Честнее будет сказать, что я ее убил.

Дракон убил и множество других, но Дэйн уловил, что конкретно в этом случае, проклятие не было виной. Но не мог поверить, что этот ящер с доброй душой убил кого-то умышленно.

– Мне было восемнадцать. Только-только я вступил в свое право на власть. Отец мой долго болел и потому его утрата не оставила на сердце рану. В какой-то степени – я был рад, что он, наконец, перестал страдать. Матери я не знал. Опять же из-за болезни отца меня рано посвятили в дела... Все шло

хорошо, и мне пророчили долгие удачные годы. Выбило из колеи другое – я... влюбился.

Дэйн вдруг вспомнил, как сестра, обожавшая истории о любви, горестно вздыхала, услышав очередную.

«Отчего они всегда такие печальные и никогда не заканчиваются хорошо?»

Дэйн смотрел на повседневные хлопоты родителей, которые, несомненно, любили друг друга и думал – потому что про счастье слушать никому не интересно.

– А еще – продолжал Дракон и с каждой секундой его взгляд тонул в прошлом, как в омуте, – я был избалованным принцем. При дворе мало кто отказывался от моей компании. Конечно, виной тому – происхождение, но я тогда этого не понимал. И, к несчастью Эмеральд, влюбился именно в нее, в ту, которой мое внимание было совершенно не интересно. Я думал, что у нее просто было недостаточно времени меня узнать. Меня не остановили ее слова, что ее сердце уже отдано другому... Я был уверен, что если мы проведем вместе больше времени, то она полюбит меня... – тонкие губы дракона исказила злая усмешка. – Я был идиотом.

– И ты? – начал догадываться Дэйн. – Увез ее сюда?..

– Неделю я готовил этот замок, а потом привезли ее. Она много раз просила отпустить, говорила, что любимый будет искать ее, и что если я действительно ее любил, то должен желать ей счастья... Но я был уверен в обратном. Она прожила со мной две недели. Я старался угадать любое ее желание,

развеселить, сделать что-то, но все было ей не по нраву, она все говорила о своем возлюбленном. И в отчаянии и злобе, я сказал, что тот продал ее мне... Уступил за золото... В тот же день она... – голос дракона надломился, – бросилась со скалы... С той самой, куда ты сегодня... – Дэйн заметил, как лиловые глаза налились слезами, а голос стал глухим, но сам дракон продолжал свой рассказ, глядя куда-то в прошлое.

Собственная прогулка по утесу и реакция дракона, теперь воспринималась иначе.

– Только тогда я понял, что натворил... Я не был груб, не касался ее, старался развлекать, но не давал убежать... Думал, что для простой служанки такая жизнь будет в радость. И все равно... все равно...

Дракон замолчал. Дэйн видел, каких усилий тому стоило собраться. Его руки, сцепленные в замок, дрожали, и Дэйн, желая успокоить и помочь, взял холодную драконью ладонь в свою, а когда тот вскинул на него удивленный взгляд, улыбнулся.

Дракон вздрогнул, словно его разбудили во время дремы, смотрел то на свою стиснутую ладонь, то на Дэйна. Спроси его дракон, что тот делает, Дэйн не смог бы ответить.

Но дракон, к счастью, не спрашивал. Он выдохнул и, собравшись, продолжил.

– Неделю, я оплакивал ее... Прогнал с острова большую часть слуг, к счастью, как оказалось. Эмеральд не соврала, ее любимый действительно искал ее, более того, оказался ма-

гом. Могушественным и сраженным горем. Я рассказал ему все, и он... проклял меня.

Дракон замолчал. А в голове Дэйна продолжали звенеть его слова.

Любовь.

Дэйн не знал любви, по крайней мере, ничего подобного, о чем так любила слушать Сишель. Чего-то, что заставило бы его проклясть и обречь на муки.

Он знал, что любил родителей, сестру, но эта любовь была спокойной, как гладь озера. И даже когда в пылу ссоры в детстве, сестра могла забрать игрушку или изломать только построенный песчаный замок, а Дэйн от обиды бросался на нее с кулаками, даже тогда... любил. Эта любовь лишь иногда напоминала о себе спокойным, приятным теплом, когда родители или Сишель делали нечто, от чего щемило сердце.

То, о чем говорил дракон, вызывало скорее не восхищение или желание испытать то же, а... страх. Как перед стихийным бедствием, когда человек совершенно не в силах ничего сделать.

– То есть этот маг решил отомстить тебе, и при этом, обречь на смерть еще столько людей, зная, какого это, терять любимых?

– Нет, он... Проклял меня в порыве злости и скорби, не думал, что делал, – дракон говорил так, словно оправдывал мага, словно был согласен с собственным наказанием, и отчего-то это вызывало в Дэйне порывы ярости. – Он хотел,

чтобы я точно усвоил, что невозможно заставить кого-то полюбить против воли. Но проклятие накладывал впопыхах, во власти чувств, а не разума и получилось, как получилось... Превратил в того, кем видел меня – в чудовище, обязал жить, пока не найду того, кто сможет полюбить меня, в тот срок, что был у Эмеральд... неделя в ожидании, две вместе, и еще одна – на скорбь, а дальше – в сон и все сначала...

Дракон уставился на свои руки.

– После этого маг ушел, я даже по началу не верил, что у него получилось. Как оказалось, магии потребовалось время, чтобы все сработало... Вокруг острова постепенно собирался туман... А когда появился круг, я впервые превратился и, во власти проклятия, полетел к островам... Я видел все, видел своими глазами, всех людей, что погибли в том городе... Я крушил и крушил все, не щадя никого, но не мог остановиться...

Дэйн снова сжал драконью ладонь.

– Что было дальше? – спросил Дэйн, чтобы вырвать дракона из картин того дня.

– Узнав о случившемся, маг вернулся. Единственный человек, который мог проходить сквозь туман... Он попытался снять проклятие. Но сила, с которой он его наложил, оказалась неподвластной даже ему.

С этой минуты надежда, что жила в Дэйне все это время начала стремительно погибать. Если сам создатель проклятия не смог его снять, то что сможет Дэйн?

– Когда он изучил проклятие, выяснил, как оно работает, то вернулся на Великие острова и придумал легенду. Это был единственный способ сократить жертвы в будущем. Тем более люди, оставшиеся в живых на развалинах города, охотно ему поверили.

– Но разве... – Дэйну стало стыдно за то, как отчетливо страх пропитал его интонации, он прокашлялся. – Разве проклятия не накладывают так, чтобы их можно было снять?

– В этом твои познания верны, – ободряюще улыбнулся дракон. – Механизм снятия есть всегда. Маг потратил огромное количество времени, всю оставшуюся жизнь. И пришел к выводу, что... Что меня должно получиться...

– Получится что?

– Сделать так, чтобы человек, попавший сюда, смог меня полюбить... Только тогда проклятье дарует мне освобождение и смерть.

Какая жестокость, подумал Дэйн, стиснув ладонь дракона, и тот вдруг так же сжал ее в ответ.

– Но... – только и смог произнести Дэйн, глухо и беспомощно. До него, наконец, дошла самая жестокая суть проклятия. Как бы Дэйн не хотел жить, не хотел вернуться, полюбить кого-то насильно он был не в силах. Он, конечно, мог сказать все что угодно, но обмануть древнюю магию, жестокое проклятие?

– Именно потому я не хотел разочаровывать тебя... – продолжил дракон. – Хотел... сделать это время для тебя луч-

шим, из возможных. Потому что механизм если и существует, то он... невозможен.

– Если? – переспросил Дэйн, которому уже было достаточно плохих новостей.

– Маг предположил, что это наиболее точный вариант, но проверить на практике не было возможности.

– Поэтому в легенде говорится о девушке?

– Не думаю, что дело именно в романтической любви. Она может быть дружеской, платонической... Но именно любовью. Скорее про девушку маг добавил уже от себя, посчитал, что так будет лучше. Но... в любом случае, слишком короткий срок и слишком неблагоприятные обстоятельства. Каждый, кто сюда попадает, ощущает себя жертвой, узником, что правда...

– Плохая почва для любви... – бесцветно подтвердил Дэйн. В эту минуту он понял – с острова живым ему не выбраться.

Всю следующую ночь Дэйн не мог уснуть. Он раз за разом крутил в голове слова дракона, перебирал, подставлял варианты, но все, как в чудовищном лабиринте вели в тупик. Он смог попасть в него, но выбраться, уже не выйдет.

Ошибка, один неосторожный поступок, помноженный на магию импульс, вспышка, и страдания, которые могли коснуться троих, коснулись сотни жизней. Дэйн вдруг подумал, что ни просто так не любил в детстве магию. Эта сила все-

гда казалось ему слишком. Слишком непонятной, слишком огромной, слишком...

Жестокой.

Один маг мог сразить огромную плеяду воинов. Запереть в ловушке, без выхода. Любое наказание, вспоминал Дэйн, заканчивалось. Даже те, которые Дэйн получал, как он сам считал несправедливо, а те, когда он раскаивался...

Дэйн вспомнил, как однажды, заигравшись в лесу с другими мальчишками, потерял из виду сестру. Дэйн искал до кровавых мозолей, и даже когда все обошлось и оказалось, что Сишель просто объедалась ягодой, ждал, что родители накажут его. Считал, что заслужил, потому что именно он повел сестру в лес, несмотря на запрет. Впервые за долгие годы Дэйн тогда лил слезы, но мать, узнавшая об этом, к удивлению всех, простила Дэйна, даже не наказав.

Так должно быть. Это нормальный порядок вещей.

Наказание, искупление, прощение.

А то, что случилось с драконом... Дэйна вдруг охватило раздражение – ящер так и назвал своего имени. То, что случилось с драконом, ни наказание, ни искупление – это бесконечная пытка.

И все это – вина магии. Магии, в сплетении с чувствами. Магии, которая оказалась в руках слишком эмоционального, слишком эгоистичного владельца.

Сила, способная творить такое, не должна существовать. Но она существует. Дэйн пожелал вдруг очутиться в мире

без магии, таком, где сила, справедливая, голая сила, подчинялась бы лишь своим законам, а не людям, чтобы никто не мог делать то, что сделала с драконом магия.

На следующее утро, дракон вновь появился за завтраком. Снова в накидке, легкой и струящейся, лиловой, что удачно подчеркивала глаза. Его страсть к красивой одежде теперь отзывалась в Дэйне теплотой. Дракон улыбнулся смущенно, словно спрашивая, не против ли Дэйн его присутствия здесь, и был в эту минуту, больше похож на верного доброго пса, чем на опасного ящера.

– Хочу, чтобы ты знал, – Дэйн удивился твердости собственного голоса. – Я не считаю себя жертвой. По крайней мере, не больше, чем тебя. – Прошлым вечером Дэйн не нашел в себе сил сказать это, и дракон просто ушел, оставив его одного осмыслять услышанное. – Мне жаль, что... что все так. Ты не заслужил этого.

Дракон долго не отвечал. Его волосы спали на лицо, закрыв глаза. Невозможно было понять, что они выражают. Но напряженная тонкая фигура выдавала волнение.

– Тогда давай, притворимся, что этого нет? – тихо произнес дракон. В просьбе звучало столько робкой надежды, что у Дэйна сжалось сердце. – Сделаем вид, что ты просто мой гость. Уже очень давно, – его голос надломился, стал едва слышным, – у меня не было просто гостей.

Дэйн улыбнулся. Ему вдруг стало легко, словно все это время на плечах лежал груз и теперь он исчез.

– Всегда хотелось побывать в замке в гостях.

Дни полетели, как радостные птицы теплой весной. Рука Дэйна хорошо заживала. Они больше не говорили о магии или проклятии. А Дэйн собирал в себе смелость принять то, что уготовили ему боги. Может, он и не избавит Великие острова от дракона, как хотел, но, по крайней мере, он спас сестру. А одна спасенная жизнь – тоже не мало. Так он гнал от себя тревогу и страх. И больше вглядывался в дракона.

Тот изменился. Из его движений исчезла напряженность и надломленность. И хотя раньше Дэйну казалось, что ее нет вовсе, теперь разница была для него очевидной. Его глаза искрились радостью, а улыбка все чаще и чаще была живой и настоящей. Чужое счастье отражалось в Дэйне, как в зеркале, и ему самому становилось на душе теплее и радостнее.

Дракон показал Дэйну все большие и маленькие чудеса острова, которые находил и собирал годами. Больше всего Дэйна впечатлила скала, целиком усеянная крупными разноцветными бабочками. Их было не меньше сотни, и каждая имела свой цвет.

– Почему их так много?

– Наверное, потому что птиц на острове почти не осталось...

«Из-за тумана, – тут же понял Дэйн. – Они улетали, а вернуться уже не могли».

– Кстати насчет полетов, – осторожно сказал Дэйн. Дра-

кон заинтересовано взглянул на него. – Что ты думаешь на счет... Ну, – нужного слово в голове упорно не находилось.

– Хочешь полетать верхом на драконе? – Лиловые глаза загорелись азартом. – Я сам хотел предложить! Всегда было интересно попробовать.

– До этого никто не летал? – выпалил Дэйн. Это казалось ему невозможным. Но увидев, как померк взгляд дракона, пожалел, что не прикусил язык.

– Им было слишком страшно, – и торопливо добавил: – но я могу их понять.

Дэйн положил руку Дракону на плечо и осторожно сжал. Оно было хрупким, и тощим, таким, каким и должно быть у принца, подумал Дэйн. Его собственные плечи, закаленные тренировкой с мечами, были куда шире. Дэйн постарался вложить в этот жест все ободрение, которое только мог передать.

– Я не боюсь, – уверил он, лукаво сверкнув глазами. – Полетаем?

Следующие полчаса Дэйн слушал, как дракон едва ли не скороговоркой рассказывал, как долго придумывал и конструировал драконье седло. Его голос был полон энтузиазма, казалось, что он захлебывался словами. Дэйн слушал, не перебивая, больше наблюдая и впитывая чужой восторг, нежели действительно улавливая суть слов.

Дэйн восхищался. Будучи проклятым, запертым и отр-

занным от мира, тот старался найти в этом небольшом отрезке времени возможность быть счастливым. Хоть на краткий миг, хоть ненадолго.

Старался найти утешение и радость в простых вещах, вроде вкусного завтрака и приятной погоды. Следом за восхищением пришла другая мысль, но разве не правильным путем это было... для каждой жизни?

Дэйн подумал о всех моментах, когда жизнь казалось ему чем-то... тяжким. Сейчас эти мысли казались ему смешными и горькими – но лишь немного. Жаль, что он понял, как хочет жить так поздно, когда времени осталось так мало. Хорошо, что он вообще это понял.

И понял бы, если бы не попал сюда?

Дэйн улыбнулся.

Дракон, заметив это, замолчал.

– Почему ты улыбаешься?

Дэйну показалось, что дракон был в искреннем недоумении. Словно его улыбка была чем-то диковинным, как перевернутая радуга.

– Я просто подумал, что рад нашей встречи.

– Что? – выдохнул дракон и, враз помрачнев, добавил: – Не пытайся, Дэйн... Искусственно вызвать... Чувства так не работают, поверь мне, не трать на это время.

– Я говорю искренне, – Дэйн не удивился. Дракон, после всего, что Дэйн узнал, больше не казался страшным, чужим, не понятным чудовищем. Даже сейчас все его мысли и стра-

хи Дэйи понимал, словно видел их на полотне картины. Потому добавил, чтобы дракон не корил себя, не закапывал в ворохе вины: – Как еще я мог покататься верхом на драконе?

Дракон кивнул, но больше не говорил. В эту минуту казался дворовым псом, которого прежние хозяева не жаловали. Дракон словно боялся, что слова Дэйна были ложью, но хотел, чтобы были правдой.

Когда Дэйи наконец увидел «седло», то не удержался и прыснул от смеха.

– Что? – Дракон казался уязвленным. – Выглядит, конечно, не очень...

Шматы веревок, связанных, кое-как, абсолютно без знания дела, с прикрепленной хлипкой конструкцией, о назначении которой, было сложно догадаться, даже если напрячь воображение.

Дэйи взял ближайший узел, потрепал его, проверяя на прочность и тот, совершенно безвольно развалился в руках. По виду дракона было ясно, что тому то ли неловко, то ли стыдно, из-за неудачного изобретения.

– Ничего, – добродушно подбодрил Дэйи. – Делать такое сложно без подготовки, а тебя как я понял, готовили совсем к другому.

Дэйи вспомнил, как сам только учился вязать с отцом морские узлы, выйдив в море. В отличие от отца, Дэйи не был моряком, но жили они на островах, а потому каждый

мальчик мог делать простые вещи, и не пропал бы в море, оказавшись на судне, даже в одиночестве.

Отец... при воспоминании об отце у Дэйна внутри что-то болезненно сжалось. Он был единственным, кто не узнал об их плане, и Дэйн не простился, совершенно уверенный, в том, что сможет одолеть чудовище острова.

Теперь возможности не представится, и об этом Дэйн горько жалел.

– В чем дело? – спросил внимательный дракон.

Дэйн махнул головой. Не было смысла тратить время на сожаления. В конце концов, чтобы не произошло, магия дала лишь это время и это мгновение.

– Идею я понял, – сказал Дэйн, перевязав несколько узлов крепче. – А с исполнением я помогу.

Они расположились прямо на полу, провозились около часа. Дэйн довольно быстро сообразил, как и что нужно скрепить, но смотреть, как дракон учиться вязать морские узлы, было слишком увлекательно, и Дэйн не торопился, позволив себе это удовольствие.

В конце концов, дракон это понял.

– Как нехорошо, издеваться над чужой необразованностью, – с деланым возмущением пожурил ящер.

– Ладно, ладно, – Дэйн улыбнулся, – все уже готово.

Они вынесли всю деревянно-веревочную конструкцию на открытую площадку и аккуратно разложили, чтобы не спутать.

– Вот эта часть для головы, – начал Дэйн и услышал за спиной уже знакомый звук превращения.

Дэйн обернулся, и у него мгновенно перехватило дыхание – перед ним стоял дракон, а к этому зрелищу невозможно было привыкнуть. Огромный белоснежный ящер возвышался, словно гора, покрытая снегом. Он не двигался, и Дэйн даже так отчего-то понимал его. Дракон боялся напугать своим видом и покорно ждал. Дэйн улыбнулся и протянул вперед руку.

Только тогда дракон осторожно приблизился, склонив голову.

Дэйн осторожно коснулся белой плотной чешуи, погладил место между глазами. Теперь казалось абсурдным, что когда-то дракон представлялся страшным или опасным. Сейчас, несмотря на весь огромный рост, он казался уязвимым и хрупким в своем полном доверии.

Огромные лиловые глаза светились теплотой, такой искренней, что Дэйн не смог долго смотреть, будто это было солнце. Он уткнулся лбом в холодную чешую.

– Ты... потрясающий, – произнес Дэйн.

Дракон тряхнул головой и фыркнул. Отстранился от Дэйна и торопливо пошел туда, где лежало «седло». Дэйн поспешил на помощь, пока ящер не спутал все.

Весь процесс походил на подготовку лошади, разве что из-за размера и необычного устройства более сложную.

– Готово, – объявил Дэйн. – Тебе как, удобно?

Дракон моргнул и склонил свое крыло и лапу, давая возможность взобраться. Дэйн залез в закрепляющие веревки и проверил все несколько раз.

– Вроде, крепко.

Дракон обернулся, и, хотя выражать эмоции в этой форме дракону было сложнее, Дэйн был уверен, что его взгляд означал недовольное:

«Что значит «вроде»?»

Дэйн рассмеялся, ободряюще постучал по спине.

– Все будет хорошо.

Дракон взметнул крыльями, потом еще. Дэйн вцепился в проходящую под руками веревку, а когда они взмыли в воздух – зажмурился. Ветер хлестал так, что порой трудно было сделать вдох, это все мало походило на приятную прогулку. Дэйн подумал, что зря они не обговорили какой-то сигнал о возвращении, неизвестно, сколько дракону захочется летать.

– Ветер! – крикнул Дэйн, но его голос исчез в потоке воздуха, даже себя он не слышал. Дэйн рискнул открыть глаза, но не увидел ничего кроме широкой драконьей спины.

Уже практически разочаровавшись, Дэйн почувствовал, как левое крыло поднимается вверх, а правое – вниз. Туловище дракона перекрыло поток воздуха, и Дэйн смог открыть глаза. Теперь ему открывался вид на остров. Замок казался крошечным, и больше напоминал искусно сделанную игрушку.

Дэйн вцепился в веревку, его сердце застучало как бешеное, от вида высоты, но восхищение, ни с чем несравнимое, наполнило его, прокатилось по телу и вырвалось радостным воплем.

Дракон повернул голову, и Дэйну показалось, что тот улыбается.

Медленно по спирали они стали спускаться, одно крыло по-прежнему возвышалось, давая Дэйну возможность смотреть, и тот уже думал, что так они и спустятся вниз, но Дракон вдруг сорвался вверх, а затем резко кувыркнулся назад, рисуя собой в воздухе петлю. Дэйн заорал снова, уже от ужаса, вцепившись в веревку.

Мгновенье спустя, они вернулись в первоначальное положение. Дэйн торопливо вдохнул, крепче вцепившись в веревку вспотевшими ладонями. Страх прокатился волной, а затем его сменил острый восторг.

Дракон снова посмотрел на него. На этот раз Дэйн разглядел в его взгляде вопрос. Дэйн улыбнулся и несмело кивнул. Дракон снова взмыл, сделав петлю, но на этот раз Дэйну было не страшно. Его будоражило это чувство, нравился ветер и то, как мир переворачивается вокруг.

Через три таких оборота дракон снова полетел спокойно. Дэйн смотрел на открывавшийся вид, дышал глубоко, его как волны в море, накрывало восторгом.

Дэйн уткнулся головой в драконью спину. Никогда еще прежде Дэйн не чувствовал себя так хорошо, так спокойно.

Так счастливо.

Радость вдруг сменилась печалью. Он взглянул на дракона, и мысль, удивившая его самого, вдруг прорезала сознание.

– Я так не хочу оставлять тебя здесь одного... – шепнул Дэйн в чешую, зная, что его не услышат.

Когда они оказались на земле, уже начинало темнеть. Голова у Дэйна кружилась, но в глазах сияли искры радости. Пришла его очередь захлебываться словами, пытаясь передать всю гамму восторга.

Дракон, в своей уже человеческой форме, наблюдал за ним с робкой улыбкой.

– Рад, что тебе понравилось, – сказал он тепло.

– А тебе?

Дракон улыбнулся еще шире.

«Действительно, – подумал Дэйн, – все же и так очевидно».

Они вошли внутрь замка, и пока шли по коридору к столовой, чтобы приготовить ужин, Дэйн не мог отделаться от ощущения, словно что-то изменилось. А все мрачнейшее лицо дракона, подсказывало, что изменилось что-то не в лучшую сторону.

– Не пойму, в чем дело, – поделился Дэйн.

– Стало светлее, – дракон кивнул на потолок. Сверху, по-

добно паутине и, не обращая внимания на стены, расплзались золотые нити проклятия. – Оно набирает силу.

– Замечательно, – Дэйн положил руку дракону на плечо и ободряюще сжал. – Не нужно будет тратить свечи.

Дракон кивнул, и даже выдавил улыбку, хотя тому было совсем невесело. А Дэйн не стал давить, позволив дракону натянуть свою привычную маску.

С того дня дракон растерял приобретенный с таким трудом покой. Нити продолжали расти, охватывая все больше коридоров.

При виде этих золотых нитей, которые в первый день очаровывали, сейчас внутри Дэйна образовывалась холодная пугающая пустота. Словно голос, зовущий из самой тьмы глубокой пещеры. Голос неизбежной смерти.

Дэйн однако, успешно гнал от себя эти мысли, в отличие от дракона. Его вид становился все изможденнее, прямой стан подгибался, улыбка все реже появлялась на его лице. Пару раз Дэйн замечал, как ящер почти с ненавистью шархается от золотых прожилок, уже спустившихся до уровня их роста. Стало очевидно, почему тот выбрал свою спальню. Не только из-за балкона, откуда удобно взлетать в драконьей форме, но и потому, что ненавистные нити туда не дотягивались.

Но все это были минуты, когда Дракон не знал, что на него смотрят. В остальное время он упорно делал вид, что все хорошо и пытался, как мог, наполнить дни Дэйна радостью. И

чем больше пытался, тем больше, казалось, сходил с ума.

Как бы им не хотелось замедлить ход времени, оно неумолимо шло. До дня, о котором никто не хотел говорить, осталась одна ночь, и Дэйн не мог заснуть. Он винил в этом настырные всепроникающие золотые прожилки, от которых нигде не было спасения, и которые, в отличие от свечей, нельзя было погасить, но на самом деле все его мыслям были о драконе.

За ужином тому стало совсем невыносимо, и Дэйн не знал, как помочь, какие слова найти, чтобы утешить.

Дэйн выбрался в коридор. Хотелось выбраться, подышать ночной прохладой моря, но, не дойдя, он вдруг услышал мелодию. Настолько тихую, что поначалу Дэйн решил, что ему чудится.

Он пошел на звук. Постепенно он становился все громче, а золотые нити редели. И Дэйн был только рад, порой ему казалось, что они тянутся к нему и хотят поймать, словно мотылька.

Наконец Дэйн нашел источник звука. В просторной зале, без единого источника света, кроме того, что дарила светлая ночь, сидел дракон за инструментом.

Дракон играл рвано, трагично и больше бил по клавишам. Инструмент, уже старый и видимо не совсем сохранивший былую музыкальность, делал что мог, но мелодия выходила местами не стройной, хотя пальцы дракона виртуозно гуляли

по клавишам.

Дракон плакал. Совершенно не сдерживаясь, не замечая ничего вокруг. И Дэйн сначала хотел оставить его, но одернул себя. Времени у них почти нет. Нет смысла тратить его так, по отдельности, в страданиях и раздумьях.

Обо всем, чем надо Дэйн уже подумал, а у дракона еще будет время его оплакать. Сейчас-то он жив.

– Не знал, что ты играешь, – громко сказал Дэйн. – Рад, что услышал.

Мелодия оборвалась, дракон вздрогнул, увидев Дэйна, и торопливо вытер глаза.

– Прости, что разбудил. Обычно он звучит тихо.

– Я не мог уснуть, так что ты тут не при чем. У тебя здорово получается.

Дракон помотал головой и нежно провел по инструменту пальцами.

– Как ни старался, не смог сохранить его. Иногда режет слух. Но мне нравится играть.

– Сыграешь что-нибудь еще?

– Не стоит, говорю же звук не очень...

– Мне раньше не доводилось слышать этот инструмент, поэтому как нужно я не знаю. Но мне очень хочется послушать. Кстати, как он называется? Ты ведь давно не играл никому? Моя сестра вообще не может делать что-то, если на это потом никто не посмотрит. Всем нужны зрители.

Дракон смотрел на него все с тем же неммым вопросом,

который в последнее время все чаще появлялся на его лице – а не безумец ли часом его гость?

– Это клавикорд, – улыбнулся дракон и коснулся пальцами клавиш.

На этот раз мелодия звучала плавно и спокойно, словно обволакивала и успокаивала. Сам Дракон тоже выглядел спокойным, словно и не мучил клавиши еще несколько минут назад. Освещенный только луной, спрятанной за туманом, он казался видением, призраком. Прекрасным и печальным, несмотря на улыбку, все еще играющую на лице.

Когда мелодия стихла, Дэйн осторожно похлопал.

– Брось, – улыбнулся Дракон. – Я много фальшивил.

– Во-первых, не ты, а инструмент, во-вторых, мне понравилось...

– Хочешь попробовать?

Дэйн встрепенулся.

– Я не умею!

Дракон подвинулся на небольшой скамье перед инструментом и приглашающе кивнул.

– Я помогу.

Дэйн присел рядом, чувствуя какую-то свою неуместность. Пусть истлевший от времени, но клавикорд все еще сохранял черты роскоши, аристократии. В городе даже простые музыканты никому не давали играть и преподносили инструменты как реликвии, что-то чего обычные люди не должны были касаться.

Впрочем, справедливости ради, свой меч Дэйн им тоже не давал.

Но дракон сидел рядом. Дэйн чувствовал его тепло, и это успокаивало.

– Положи пальцы вот так, – дракон показал положение правой руки. Дэйн несмело повторил. Его пальцы смотрелись на клавишах неправильно, куда менее подходящими, нежели красивые изящные пальцы дракона.

Дракон осторожно коснулся его руки своей, поправил кисть, и ободряюще улыбнулся.

– А теперь попробуй повторить...

Дракон положил руку на другие клавиши чуть левее, что в точности повторяли те, над которыми зависла рука Дэйна.

Дракон медленно показал последовательность. Всего три ноты. Дэйн повторил, напрочь забыв про ритм.

– Хорошо, теперь еще, – и следующие три ноты. Дэйн повторил, ошибся в последней, но исправился.

– И еще три... – новая последовательность из трех нот. Когда Дэйн повторил, дракон сказал: – А теперь все вместе.

Дракон сыграл все девять нот. Дэйн повторил, но запутался в половине.

– Это сложно, – признался Дэйн. – А когда ты играешь, выглядит легко...

– У тебя хорошо получается, – подмигнул дракон. Дэйн фыркнул. – Для первого раза очень хорошо.

Они молчали. Тишина была уютной, такой, какую не хо-

телось прерывать ничем в мире. Дракон смотрел внимательно, в самую душу и Дэйн не мог отвести глаз.

– Я пойду, – неуверенно сказал дракон. – Ты наверняка хочешь побыть один...

– Вовсе нет! – рука Дэйна схватила дракона прежде, чем тот успел шевельнуться. – Остайся..!

Дракон уставился на него непонимающим, растерянным взглядом. Его плечи ссутулились, волосы свисли на лоб, закрывая глаза.

– Я не понимаю... Не могу понять почему ты ведешь себя так...

– Как так?

– К этому моменту... Каждый по-своему пытался себя спасти. Убежать, спрятаться, попробовать еще раз убить меня или... плакали и проклинали... Но никогда вот так. Ты так спокоен.

Пришла очередь Дэйна удивляться.

– Не вижу причин портить хороший вечер, – наконец нашелся он с ответом.

– Неужели тебе не страшно?

– Страшно, – признался Дэйн. Он хотел бы и соврать, но не решился, к тому же, удивительным образом, на пороге смерти хотелось быть честным. Другого случая сказать все, что хочется уже может не быть. – Но... – слова «за тебя мне намного страшнее» Дэйн не решился произнести. Почему-то

казалось, что это не то, что дракона могло утешить или успокоить. А тот явно был растерян и подавлен. – Ты отчего-то ждешь, что я буду относиться к тебе, словно ты чудовище. Это не удивительно, конечно, тем более я и сам поначалу... – его взгляд упал на грудь дракона, туда, куда он вонзил кинжал, только увидев его. – Не важно... Просто пойми, что ты не чудовище. Ты не виноват, что проклятье...

– Оно появилось из-за меня! – в голосе дракона появилась неожиданная горячность. – Конечно, я виноват!

– Прекрати, – спокойно отозвался Дэйн. – Я пробыл здесь достаточно, чтобы увидеть все сам. Ты не чудовище, и ты не виноват. Ты проклят, но ты не проклятие. Не ты его выбирал, не ты накладывал. И если уж братья судить – тот маг, что так неосторожно распорядился своей магией, и есть виновный во всех этих смертях.

– Если бы не я, то проклятия и не было бы.

– Если бы не маг, проклятия тоже не было, если бы девушка подождала бы еще немного, если бы, и кабы... Не бери на себя слишком много. Ты ошибся тогда, но видят боги, я, который завтра умрет, ни капли тебя не виню. Меня убьет проклятие, а не ты. И если нужно я буду повторять тебе это до последнего вздоха, чтобы ты поверил мне.

На этот раз дракон не ответил. Дэйн надеялся его поддержать, утешить, но вид собеседника говорил об обратном. Его руки дрожали, сам он осунулся еще сильнее, словно был ранен, словно каждое движение причиняло ему боль.

– Знаешь... – после долгого молчания произнес дракон. Дэйн услышал в его голосе слезы. – Я так хотел, чтобы кто-то... Не считал меня монстром, хотел тоже провести это время так, будто ничего ужасного не произойдет, но теперь вижу, как был глуп... Ты так добр, что от этого еще больнее. Прости. Знаешь, о чем я думаю?..

От этого вопроса по спине Дэйна пробежал холодок.

– О чем?.. – осторожно спросил он. Дракон избегал смотреть на него.

– Что не смогу сделать, что должен. Не хочу. Что один разрушенный город не такая уж большая цена за твою жизнь.

Поначалу Дэйна испугали его слова. Но лишь на мгновение. В конце концов, Дэйн не лгал, и действительно хорошо его понимал. Дэйн осторожно коснулся пальцами драконьей щеки, чтобы тот посмотрел ему в глаза.

– Там живет моя семья, – спокойно возразил Дэйн. – И защитить их от проклятия – мой долг. Я ведь всю жизнь хотел сделать что-то значимое и героическое. Кого-то спасти. Поможешь мне с этим? – Дэйн улыбнулся. – Пожалуйста.

Вместо ответа дракон положил тонкие руки ему на плечи, притянул в объятие и уткнулся в плечо.

– Не знаю, как тебе удастся быть одновременно таким добрым, и таким жестоким.

Дэйн обнял его в ответ.

Они договорились.

– Я видел у тебя вино, – тихо произнес Дэйн. – Ты не хо-

чешь выпить?

– Ты... действительно хочешь провести это время так? – лиловые глаза наполнились серьезностью, дракону наверняка хотелось сказать, что это время очень важно, и что стоит подумать, но Дэйну отчего-то стало враз легко и смешно.

– А ты хочешь, чтобы я грустно смотрел на луну? Или спал? Ну, уж нет, – Дэйн поднялся. – Идем, устроим соревнование на меткость, но после минимум двух бутылок.

Они так и сделали. Соревновались и в метании стрел с кинжалами, и в метании кубков в стены. Придумали еще десятки игр, Дэйну даже стало боязно, не разгромят ли они здесь все. Но дракон выглядел таким счастливым, что видимо, это мало заботило даже его самого.

В какой-то момент Дэйн стал валиться с ног, а ящерицу было хоть бы что. Уже урывками он помнил, как они поднимались по лестнице.

В следующий момент он почувствовал, как свалился на мягкую кровать, и что-то теплое коснулось его лба.

– Спасибо, – шепот дракона растворился где-то в голове.

И Дэйн открыл глаза. Все произошедшее ночью, в нелогичных нестройных картинках сменяло друг друга. А вокруг золотом сияли нити. Опутывали, звали. Время пришло.

Дэйн поднялся, умылся, собрался. Уделил особое внимание тому, как выглядит. Это отчего-то тоже стало значимым.

Старался гнать от себя мысль, что делает все нарочито медленно. Что не хочет идти на зов. Что ему страшно.

Когда он закрепил на поясе кинжал, и не осталось больше ничего, что могло бы его остановить, колени вдруг дрогнули, и сам он пошел нетвердо. Он с раздражением, даже злостью, стукнул себя по ноге.

– Ты воин, – напомнил он себе. – Ты хотел защитить свой дом от проклятия. Давай.

Страх не ушел, но совладать с ним получилось.

Зал, где неумолимо вращался магический круг, стал значительно светлее, словно здесь заперли солнце. Из-за этого Дэйн не сразу заметил силуэт дракона. Тот, в человеческой форме, стоял спиной в черной рубашке с высоким воротом, закрывающим шею. Если бы не светлые волосы, то слился бы с тенью, совсем незаметный.

Услышав Дэйна, он обернулся. Глаза его были полны печали и скорби. А лицо, и без того бледное, казалось, потеряло все краски.

– Какой-то не парадный вид, – попытался разрядить обстановку Дэйн. – Я видел у тебя рубашки пооптимистичнее.

Дракон усмехнулся, печально и почти сумасшедше. Его самообладание трещало по швам.

– Прошу, не говори ничего... Это просто... Я не смогу так.

– Ладно, – тихо согласился Дэйн. Он приблизился, одоб-

ряюще коснулся кончиками пальцев его руки. – Что мне нужно делать?

Дракон мотнул головой, указывая на алтарь прямо под ярким сияющим кругом. Дэйн двинулся к нему, чувствуя, как от страха немеет тело, как дрожь прошивает его всего. Он неловко сел на камень, как на лавку, спиной к слепящему кругу.

Когда дракон встал напротив, Дэйн протянул ему свой кинжал.

– Сделай это моим оружием...

Дракон прижал руку Дэйна к нему обратно, не забрав кинжал.

– Сначала ты, – дракон сказал это так буднично, словно просил передать бутылку вина, а не попробовать его убить, – на всякий случай.

Дэйн вздрогнул, хотя казалось, что дрожать сильнее он уже не мог. Его охватило странное, острое чувство, которому он не находил название.

– Нет, – он отвел руку с кинжалом от себя, отметив, что пальцы дракона были холодными, словно промерзший камень. – Я не хочу тебя мучить, не проси.

– Это единственное, что хоть немного все облегчит, – его губы изогнулись в подобие улыбки, но вид его все равно был измученным. – Мы должны убедиться... Вероятность, конечно, ничтожно мала.

– Тогда и не нужно пробовать, раз ответ тебе известен! –

перебил его Дэйн.

Дракон замер, уставился огромными лиловыми глазами, в которых непонимание сменилось удивлением, а затем робкой, тревожной надеждой.

– Ты не хочешь, потому что думаешь, что может... получиться? – тихо, словно боясь спугнуть, сказал дракон.

«Да, – тут же отозвался Дэйн про себя, и с удивлением, пополам с ужасом, вдруг понял, что знает, если попробует, у него точно получится».

– Не может быть... – едва слышно произнес дракон, – Дэйн, ты...

– Я не буду этого делать! – выпалил Дэйн и поморщился от отчаяния в тоне.

– Дэйн, посмотри на меня. Пожалуйста.

Дэйн послушался, поднял взгляд. Дракон улыбался ему, робко, но искренне. Он снова вложил в руки Дэйна кинжал, и не отпустил, не дал вырваться, когда тот снова хотел отпрянуть.

– Дэйн...

– Нет! Я не смогу! – глаза зажгло, и Дэйн не узнавал собственного голоса.

– Дэйн, ты ведь хотел, помнишь, ты говорил, хотел сделать что-то значимое, что-то героическое. Кого-то спасти. Я прошу... Молю тебя. Пожалуйста, спаси... меня.

Дэйн уткнулся дракону в плечо, не отнимая рук, чувствуя холод оружия. Горячие слезы катились из глаз против воли.

– Я не могу, – шептал он, – не могу. Не проси, нет...

– Пожалуйста, – дракон высвободил одну руку, обхватил ей спину парня, осторожно поглаживая. – Я так устал. Этому мучению нет конца, я больше не хочу убивать... Не хочу так жить. Я так долго ждал тебя...

– Ты не понимаешь! Ты не убивал того, кто стал тебе дорог! Не своими руками! Ты не понимаешь, о чем просишь.

– Это правда... – горестно отозвался дракон. – Но сегодня, это бы случилось.

Дэйн отнял голову и заглянул в лиловые глаза. Спокойный и умиротворенный взгляд. Дракон был готов умереть в любую секунду.

Он обхватил дрожащие руки Дэйна, и приблизил их к себе вместе с кинжалом, острием к своему сердцу.

– Может, можно сделать что-то? – в отчаянии выпалил Дэйн. – Ты ведь не знаешь! Может, можно что-то придумать!

– Я знаю, что проклятие живо, пока жив я. И я все еще угроза островам. Твоему дому... Дэйн, пожалуйста... Если я правда дорог тебе, освободи меня. – Дракон убрал свои руки, оставляя Дэйна самому сжимать кинжал. Самому принимать решение.

– И ты меня называл жестоким?!

Дэйн ощутил прилив ярости и ненависти. К проклятию, магии и самому дракону, который так жаждет собственной смерти, как потерявшийся в море жаждет пресной воды. И, в конце концов, пьет соленую.

– Прости, – тихо произнес дракон.

Ярость Дэйна в мгновение разбилась.

– Ты не виноват, – обессиленно произнес Дэйн. – Говорил же.

Дракон хотел ответить или снова произнести свою ужасную просьбу. Но не смог. Он вдруг удивленно округлил глаза, ощутив, как твердый металл пронзил ему грудь.

Секунду он не чувствовал ничего, а следом его прожгло болью. Кровь пошла горлом. Дэйн вынул кинжал, его взгляд наполнился пустотой. Дракон было протянул к нему руку, хотел утешить, но пошатнулся, и стал сваливаться вниз. Дэйн спрыгнул с алтаря, успел подхватить, и они опустились на пол. Дэйн крепко сжимал дракона в руках.

– Получилось, – прохрипел дракон, когда коснулся груди и понял, что рана не затягивается. В его голосе сквозила радость.

Дэйн молчал, смотрел остекленевшим взглядом, лишь убрал со лба раненого светлую прядь, что закрывала один глаз.

– Спасибо, Дэйн... – Дракон улыбался. Дэйну так нравилась эта улыбка. – Ты спас меня... Потому не вини себя, пожалуйста...

– Лучше молчи, ящер! – слез не было, словно они кончились, лишь отчаяние, внутри парня все полыхало огнем, оставляя за собой только выжженное пепелище.

– Вирйдиан, – шепнул тот, угасающим голосом. – Меня

зовут Виридиан.

Его лиловый взгляд потух, сердце замерло, а на губах застыла счастливая улыбка.

Дэйн взвыл, сжав тело в руках, качаясь из стороны в сторону.

– Нет, – он стискивал дракона в руках, словно это могло вернуть тому жизнь. – Нет... пожалуйста... Вернись...

Круг позади вспыхнул ярким светом, на секунду ослепив, и тут же рассыпался на множество золотых частиц. Через мгновение тело в руках Дэйна тоже стало светиться и, в след за кругом, вспыхнуло и распалось на свет.

Дэйн смотрел, как частицы, подобно огромному количеству светлячков, взвиваются к потолку и исчезают, как звезды на рассвете. Они вились, подгоняемые потоком воздуха, пока полностью не исчезли.

От дракона и проклятия не остались ничего. Лишь кинжал, измаранный кровью.

Дэйн не смог бы сказать, сколько просидел в холодной зале прежде, чем поднялся и отправился прочь. Весь замок казался теперь тусклым. Возможно, дело было в исчезнувших золотых нитях, освещавших его. А может в чувстве пустоты и потерянности, что поселилось в груди Дэйна.

Он несколько раз обошел жилую часть замка, едва ли понимая, зачем это делает. Сам себе он больше напоминал сейчас призрака.

– Как же тебе было здесь одиноко... – шепнул Дэйн, зайдя в драконью спальню. – Думал, что понимал, но нет...

Сейчас Дэйн живо представлял, как убитый горем Виридиан, остается в замке один. Дэйн взглянул на свои руки, измазанные кровью. Она отчего-то не исчезла, а Дэйн не торопился ее смывать, словно так мог хоть немного сохранить частицу дракона здесь, рядом.

Дэйн лег на чужую постель, что еще хранила запах хозяйина. Что-то внутри него лопнуло, к горлу подкатил ком, и Дэйн разрыдался, не сдерживаясь.

«Спасибо, Дэйн...»

Дэйн понимал, что поступил правильно. Только это не дало Дэйну свалиться в пучину безумия. Но понимание правильности поступка, не унимало боли и скорби.

Собственная жизнь и время, которое он уже не рассчитывал прожить, вернувшись так внезапно, обескураживали.

Когда Дэйн выглянул в окно, то увидел, что туман рассеялся. Путь был открыт, а Драконий остров, как и его хозяин – свободен.

Дэйн провел в замке еще два дня. Зачем-то убрал следы их ночного веселья. Не дал пропасть еде, пусть есть не хотелось и пришлось буквально впихивать ее в себя. Благо Виридиан приготовил немного, видимо не рассчитывал много есть. Если вообще рассчитывал.

Дэйн вдруг пожалел, что практически не расспрашивал дракона о том, как тот жил после, в эту последнюю неделю,

перед тем как уснуть.

Вообще оказалось, что о многом он его не спрашивал.

Готовился ли Виридиан к смерти? Оставил ли что-то?

Дэйн перерыл всю комнату и библиотеку в поисках письма, дневника, но не нашел ничего. А потому в какой-то отчаянной попытке сохранить о драконе память, стал собирать все, что мог.

Книги, что он порекомендовал, листы нот, что тот играл, одежду, в которой тот появлялся чаще всего. Из своего он забрал лишь кинжал.

Дэйн прожил в одиночестве в замке два дня и уже не мог представить, как дракон выживал тут годы. В каком тот был отчаянии, и как вообще находил в себе силы улыбаться.

Когда на горизонте показались родные утесы, Дэйн не испытал и толики радости. На краю утеса стояли каменные пушки и катапульты. Ждали дракона, судя по всему. Наверняка их с сестрой обман к тому моменту был раскрыт.

Потому, когда дозорные острова увидели Дэйна, смотрели так, словно к ним приплыл мертвец.

Дэйн ничего им не кричал, не подавал знаков, а те молча наблюдали и не торопились приближаться. Он затащил к берегу лодку, взял вещи и пошел мимо в город, а когда добрался до площади, там уже ждала большая толпа.

– Дэйн... – вышел вперед глава города. Он старательно прятал в голосе страх, но выходило не очень. – Ты ли это?

Неужто... разгневанный дракон явится сюда?

– Дракон мертв, – слова будто ранили его самого.

По толпе прошел шепоток неверия.

– Как... как ты можешь подтвердить? – осторожно спросил глава.

– Путь на остров свободен, тумана нет... Никто не прилетит.

– Это... отличные вести! – в голосе главы мелькнула радость, ее подхватили и другие, шепот сменился на облегченные радостные выдохи. До него долетели слова «чудища больше нет!» «Наконец оно издохло!» Дэйн оглядел толпу, и лица собравшихся показались вдруг отвратительными.

Он растолкал всех и побрел дальше к дому, подальше от людей, голосов и веселья, что ранило сильнее меча.

Кто-то попытался его поздравить, обнять, но Дэйн яростно оттолкнул всех, и от него вскоре отстали, продолжив радостные возгласы, кто-то уже призывал праздновать.

– Дэйн! – то был голос сестры. Она появилась рядом почти у самого дома. – Дэйн! – Она едва не снесла его, бросаясь на шею с объятиями. – Ты вернулся! Ты, правда, вернулся! Ты убил его, Дэйн! Убил чудовище! Как обещал!

Дэйн не шевельнулся.

Слова сестры полоснули по сердцу. Неужели хотел он когда-то убивать? Быть героем? Убить Виридиана? Это сейчас казалось дикостью.

Сишель, почувствовав неладное, отстранилась и вздрогнула, заглянув в лицо брата.

– Дэйн...

Он посмотрел на нее. Прежде похожие как две капли, сейчас они отличались так, что едва ли кто-то принял бы их за близнецов. Сильнее всего отличались глаза. У Сишель они были живые, яркие. Дэйн знал, что больше у него никогда не будет таких глаз.

– Вот, возьми, – всполошилась Сишель, пряча за движениями собственный страх. Вид брата испугал ее. Она сняла с пояса меч Дэйна, и протянула его. – Ты настоящий герой, убийца дракона...

Дэйн сморщился, как от пощечины, и оттолкнул руку сестры.

– Я не герой, – тихо прошептал он ей, на слова ушли все его силы. – А Виридиан не был чудовищем.

– Виридиан? – переспросила Сишель, не узнавая, не понимая брата. – Кто это?

– Он мой... друг, – прошептал Дэйн.

Мертвый друг.

Чуткая, понимающая Сишель не знала о ком и чем идет речь, но почувствовала горе, необъятное и бескрайнее. Она обняла Дэйна, и частица ее тепла и сочувствия передалась ему.

Как искорка, упавшая на глыбу льда. Из глаз Дэйна показались безмолвные слезы.

До них донесся гомон ликующей толпы, кажется, они кричали имя Дэйна.

– Пойдем в дом, – глухо произнес он. – И, пожалуйста, закрой дверь...